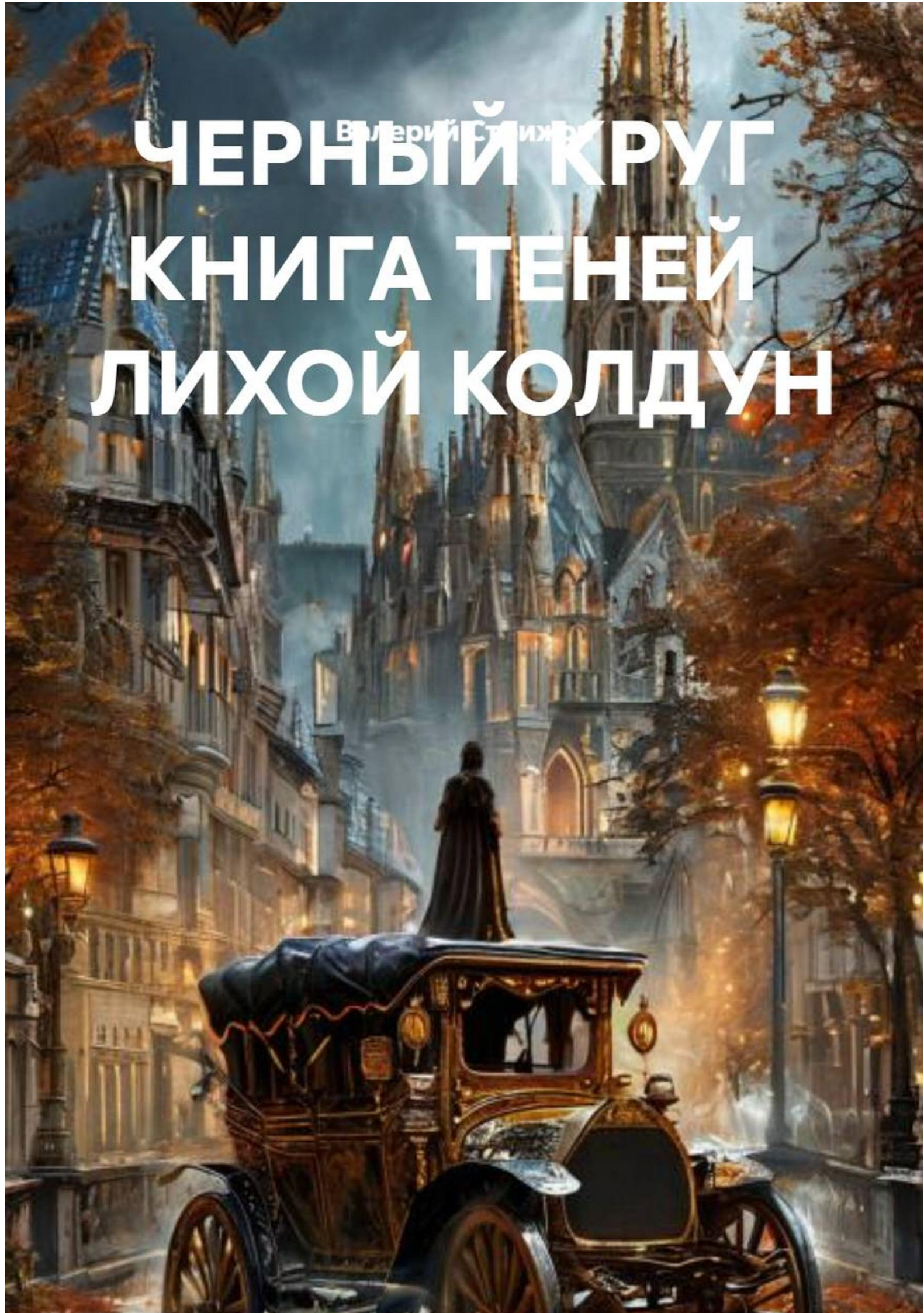

Валерий Стилж

ЧЕРНЫЙ КРУГ КНИГА ТЕНЕЙ ЛИХОЙ КОЛДУН

Валерий Стрижов

**ЧЕРНЫЙ КРУГ КНИГА
ТЕНЕЙ ЛИХОЙ КОЛДУН**

«Автор»

2026

Стрижов В.

ЧЕРНЫЙ КРУГ КНИГА ТЕНЕЙ ЛИХОЙ КОЛДУН /

В. Стрижов — «Автор», 2026

Если вы полагаете, что стать колдуном — это значит разъезжать в золочёной карете, пить венгерское вино из хрустальных кубков и кружить головы прекрасным дамам одним лишь щелчком пальцев, то спешу вас разочаровать. Настоящее колдовство начинается с грязи.

© Стрижов В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Стрижов

ЧЕРНЫЙ КРУГ КНИГА ТЕНЕЙ ЛИХОЙ КОЛДУН

Чёрный Круг

Книга первая. Наследник старой крови

Глава I. О том, как бабушкино наследство едва не стоило мне жизни, и что из этого вышло

Если вы полагаете, что стать колдуном — это значит разъезжать в золочёной карете, пить венгерское вино из хрустальных кубков и кружить головы прекрасным дамам одним лишь щелчком пальцев, то спешу вас разочаровать. Настоящее колдовство начинается с грязи. С мокрой, холодной земли, в которую вы утыкаетесь лицом в три часа ночи, когда собственный защитный круг внезапно взрывается, как петарда, а за вашей спиной кто-то тяжело дышит — причём дышит не человек, ибо у человека лишь одна пара лёгких, а здесь их было, пожалуй, три.

Меня зовут Тарас Серебряков. Мне двадцать два года, и до недавнего времени я считал себя самым обычным парнем: жил в Москве, снимал крошечную студию на окраине, работал копирайтером в рекламном агентстве и мечтал лишь о том, чтобы шеф перестал заставлять меня переписывать слоганы для чистящих средств. Я не верил в магию, не посещал эзотерических семинаров и даже гороскопы читал исключительно ради смеха. Мой дед, говорят, был человеком сведущим в тайных науках, но он исчез задолго до моего рождения — бабушка лишь вздыхала, когда я спрашивал о нём, и отводила глаза. Бабушка вообще была женщиной молчаливой. Она лечила травами всю деревню, заговаривала зубы так, что боль проходила мгновенно, и могла по утренней росе предсказать погоду на месяц вперёд. Я считал это деревенскими причудами. Глупо, не правда ли?

Бабушка умерла, когда мне было шестнадцать. Последними её словами были: «Тарас, не лезь в старые вещи. Сожги их. Слышишь? Сожги всё». Я не послушался. Каюсь, не послушался. Ибо какой шестнадцатилетний парень станет жечь бабушкино наследство, когда там, среди затхлых платков и медных пуговиц, обнаруживается самый настоящий клад?

Я нашёл их на чердаке её дома в глухой деревне Ржавки, куда приехал разбирать вещи. Заросший чердак пах мышами, сушёной мятой и чем-то ещё — неуловимым, щекочущим ноздри, точно запах грозы, которая только собирается разразиться. Сундук, окованный почерневшим железом, стоял в самом дальнем углу, придавленный тюками старой одежды. Я сбил замок (он поддался на удивление легко), поднял крышку — и замер.

На выцветшем бархате лежали три вещи.

Первая — **книга**. Не просто книга — фолиант в переплёте из чёрной кожи, с бронзовыми углами, истёртыми от времени. На обложке была вытеснена руна, похожая на молнию, пронзающую солнце. Я открыл её — страницы оказались пусты. Совершенно пусты, ни буквы, ни знака, даже запаха старости не было. Зато когда я провёл пальцем по пергаменту, по коже пробежала тёплая волна — точно книгу коснулась невидимая искра.

Вторая — **нож**. Длинный, с рукоятью из тёмного дерева и лезвием из металла, который не походил ни на сталь, ни на серебро. Он отливал синевой, как воронёное крыло, и на нём, едва заметные, вились письмена, похожие на те, что украшали обложку книги. Нож был лёгким, но казался тяжёлым — так бывает с вещами, которые помнят больше, чем должны.

Третья — **кольцо**. Серебряное, массивное, с печаткой, на которой был выгравирован круг, рассечённый пополам. Внутри круга, едва заметное глазу, пульсировало пятнышко — будто камень, но живой, дышащий. Когда я надел кольцо на безымянный палец правой руки,

оно сжалось, точно змея, и прикипело к коже. Я пытался стянуть его — бесполезно. Кольцо стало частью меня.

Я не придавал этому значения. Спрятал книгу и нож в рюкзак, уехал в Москву, зажил старой жизнью. Но кольцо... кольцо не отпускало. Оно нагревалось по ночам, и в этих волнах жара мне начинали сниться сны: чёрная вода, отражающая звёзды, фигуры в капюшонах, сходящиеся в круге, и голос — древний, скрежещущий, как камни под ледником, — который называл меня по имени, которого я не помнил.

Прошёл год. Я привык к кольцу. Перестал замечать его тяжесть. Засунул книгу на антресоли, нож — в ящик стола. Работа, вечера, редкие встречи с девушками, которые почему-то заканчивались одинаково: они смотрели на мою правую руку, бледнели и находили повод уйти. «У тебя странные глаза, Тарас», — говорила одна. «Ты меня боишься?» — «Нет. Я боюсь себя рядом с тобой».

И вот тогда я начал искать.

Интернет — удивительная штука. Он хранит всё — от рецептов борща до заклинаний вызова духов, которые, впрочем, не работают. Но я искал не заклинания. Я искал людей, которые понимают, что происходит. Форумов было множество: одни обещали открыть чакры за три дня, другие — научить управлять реальностью силой мысли. Я не верил ни тем, ни другим. Но на одном закрытом ресурсе, куда меня пустили лишь после трёх месяцев переписки, я нашёл старую ветку — двенадцатилетней давности, с мёртвыми ссылками и стёртыми никами. В ней кто-то, называвший себя Ключником, писал о «трёх дарах»: Книге Пустоты, Ноже-Рассекателя и Кольце-Времени. «Тот, кто владеет всеми тремя, — говорилось в последнем сообщении, — станет Хранителем Круга. Или его могилой».

Сообщение обрывалось. Больше Ключник не выходил на связь.

Я забил тревогу. Мне было двадцать два, я был молод, здоров и, как оказалось, совершенно невежественен в том, что касалось законов этого мира. Я думал, что магия — это сказки, а колдуны — шарлатаны. Я ошибался.

Всё началось в канун Ивана Купалы.

Я сидел дома, пил пиво и смотрел дурацкий сериал, когда кольцо на моём пальце раскалилось добела. Я вскрикнул, уронил банку, и в тот же миг в комнате погас свет — не потому, что вырубил электричество, а потому, что свет поглотила тьма, живая, пульсирующая, пахнущая прелой листвой и кровью.

Из темноты вышли трое. Они были в длинных плащах с капюшонами, их лица скрывали маски — белые, гладкие, без черт, только прорези для глаз. И эти глаза... они светились. Зелёным, жёлтым, красным — у каждого свой цвет. И все три пары смотрели на меня, а точнее — на мою правую руку, на кольцо, которое пульсировало в такт моему испуганному сердцу.

— Он жив, — сказал первый, тот, с зелёными глазами.

— И глуп, — добавил второй, жёлтый. — Не чувствует печати. Не видит узлов.

— Зато кольцо выбрало его, — возразил третий, красный. — А кольцо не ошибается. Забираем.

Они двинулись ко мне. Я вскочил, схватил со стола кухонный нож — жалкое оружие против колдунов в плащах, но что ещё оставалось? Красноглазый щёлкнул пальцами, и нож вырвался из моей руки, расплавился в воздухе и каплями металла упал на пол.

— Не сопротивляйся, мальчик, — сказал он. — Мы не враги. Мы вестники.

— Вестники чего? — выдавил я, пятясь к стене.

— Вестники Восьмого Круга. Твоё время пришло. Твоя кровь проснулась.

Они приближались. Я упёрся спиной в стену, шарить руками по полкам — и нашупал книгу. Ту самую, чёрную, с пустыми страницами. Я схватил её, выставил перед собой — и мир взорвался.

Книга раскрылась сама. Страницы больше не были пустыми — они пылали золотыми рунами, которые вылетали из пергамента, кружились вокруг меня, образуя кокон. Трое в масках остановились. Зелёноглазый вскрикнул — коротко, испуганно.

— Он не просто кольцо носит! Он её открыл! Книга выбрала его!

— Не может быть, — прошипел красный. — Книга Пустоты не выбирала никого тысячу лет.

— А вот и выбрала.

Я не понимал, что происходит. Я чувствовал только, как по венам течёт огонь, как сознание расширяется, вмещая образы, которых я никогда не видел: древние города, рунные круги, битвы, где сражались не люди — сущности, сотканные из света и тьмы. И среди них — я. Другой я. В доспехах, с этим же кольцом на пальце, с этим же ножом у пояса. Я убивал. Я исцелял. Я открывал врата между мирами.

— Хватит! — рявкнул красноглазый. — Плетение!

Трое вскинули руки, и из их ладоней вырвались цепи — не металлические, а сотканные из чистого мрака. Цепи обвили золотой кокон, сжали его, задушили. Книга захлопнулась. Руны погасли. Я упал на колени, оглушённый, обессиленный.

— Живого — в Чёрный Предел, — приказал красный. — Там с ним поговорят.

— А если он не согласится?

— Тогда он умрёт. Как и все, кого кольцо выбирало раньше.

Меня подхватили под руки. Я попытался вырваться — бесполезно. Силы покинули меня, глаза слипались, в ушах шумело, как в раковине. Последнее, что я увидел перед тем, как провалиться в темноту, — своё отражение в зеркале: растрёпанный, бледный парень с горящим кольцом на пальце. И книги в руках, страницы которой снова стали пустыми.

Но я знал: они не пусты. Они ждут. Ждут моих слов.

Меня привезли в Чёрный Предел — так называлась древняя усадьба под Тулой, скрытая от глаз обычных людей мощнейшим магическим пологом. Она стояла в густом лесу, заросшая плющом, мрачная и величавая, точно замок из готического романа. Внутри оказалось не разрушенное запустение, а строгая, холодная роскошь: паркетные полы, хрустальные люстры, коридоры с картинами, на которых были изображены не люди — символы. Руны, круги, спирали. И портреты. Портреты странных существ: с глазами-звёздами, с руками-крыльями, с лицами, которые менялись, стоило отвести взгляд.

Меня привели в большую залу с камином. В камине горел огонь — но он не давал тепла. Он отбрасывал тени, которые двигались сами по себе, шептали, переглядывались.

— Оставьте нас, — сказал голос из кресла у камина.

Мои конвоиры поклонились и вышли. Я остался один с незнакомцем.

Это был старик. Нет, не просто старик — древность, воплощённая в плоть. Его лицо напоминало потрескавшуюся землю, руки — корни столетнего дуба. Но глаза... глаза были молодыми, цепкими, пронзительными, цвета утреннего неба перед грозой.

— Садись, Тарас, — сказал он, указав на стул напротив.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я знаю всех, кого кольцо выбрало за последние триста лет. Ты — двенадцатый. Одиннадцать предыдущих мертвы.

Я сел. Ноги дрожали, но я старался не показывать страха. Старик смотрел на меня, и в его взгляде не было ни злобы, ни сочувствия — только холодное любопытство хирурга, вскрывающего редкий экземпляр.

— Что происходит? — спросил я, стараясь говорить твёрдо. — Кто вы? Кто эти люди в масках? Почему я?

— По порядку, — старик подбросил в камин полено, и пламя взметнулось выше, высветив новые тени. — Меня зовут Калиостро. Настоящее имя тебе ни о чём не скажет, да оно

и не важно. Я — глава Круга Чёрного Предела. Мы — не колдуны в том смысле, какой ты вкладываешь в это слово. Мы — Хранители. Мы следим за тем, чтобы магия не вышла из-под контроля. Чтобы древние сущности не пробудились. Чтобы мир — ваш мир, обычных людей — оставался в неведении.

— И при чём здесь я?

— При том, что ты — наследник. Твоя бабка, Арина Серебрякова, была великой колдуньей. Она закрыла разлом между мирами ценой собственной жизни. Но перед смертью она спрятала ключи — три артефакта, которые ты нашёл на чердаке. Книгу, нож и кольцо. Она надеялась, что никто не найдёт их, что её род прервётся и магия уйдёт из вашей крови. Не вышло. Ты нашёл их. И теперь ты — Хранитель.

— Я не хочу быть Хранителем.

— А никто не спрашивает, — жёстко ответил Калиостро. — Кольцо выбрало тебя. Книга открылась тебе. Нож... — он кивнул на мою поясницу, и я только сейчас понял, что нож, который я оставил в ящике стола в Москве, каким-то образом оказался у меня на поясе. — Нож ждёт твоей крови. Ты в игре, Тарас. Проигрыш — смерть. Но и выигрыш не гарантирует жизни.

Он встал, подошёл к окну, за которым клубилась тьма, полная не то листвы, не то крыльев.

— Ты получишь комнату. Завтра начнётся обучение. Ты научишься читать руны, чертить круги, призывать сущностей и изгонять их. Ты узнаешь, как убить заклинанием и как воскресить — почти. Если выживешь, через год ты сдашь экзамен. Если нет... — он пожал плечами. — Земле всегда нужны удобрения.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но старик щёлкнул пальцами, и меня словно ветром выдуло из кресла. Я оказался в коридоре, а дверь в залу с камином исчезла — на её месте была глухая стена с гобеленом, изображающим крылатого змея, пожирающего солнце.

— Ваша комната — третья дверь налево, — раздался из пустоты голос Калиостро. — Не пытайтесь сбежать. Лес вас сожрёт. Не пытайтесь вызвать подмогу — связь с внешним миром заблокирована. Спите. Завтра в шесть утра — первый урок.

Я нашёл комнату. Она оказалась маленькой, но уютной: кровать с резными ножками, письменный стол, шкаф, на стенах — всё те же символы. Я сел на кровать, сжал голову руками. Кольцо на пальце пульсировало ровно, успокаивающе, точно сердце матери, прижимающее ребёнка к груди.

— Что ж, — сказал я сам себе. — Ты хотел приключений? Получи.

Я открыл Книгу. Страницы по-прежнему были пусты. Но теперь я знал: они не пусты. Они просто ждут слова.

И я произнёс первое слово:

— *Феху*.

На странице вспыхнула руна. И всё началось.

Глава II. О том, как руны обжигают пальцы, а прекрасные дамы обжигают сердца

Обучение оказалось сущим адом. И если вы думаете, что я преувеличиваю, то попробуйте сами выучить двадцать четыре руны за неделю, да так, чтобы каждая не просто отпечата-лась в памяти, а запела в крови, засветилась под кожей, стоило лишь вспомнить её очертания. Меня учили двое: сутулый старик в очках с треснувшей линзой, которого все звали Архивариусом, и молодая женщина с лицом, похожим на фарфоровую маску, и глазами, которые меняли цвет в зависимости от настроения. Её звали Ведогоня.

— Руны — это не буквы, — говорила она, водя моим пальцем по воздуху, где за нами оставался светящийся след. — Руны — это узлы реальности. Когда ты чертишь *Ансуз*, ты не просто рисуешь значок. Ты открываешь канал к знаниям предков. Когда ты чертишь *Турисаз*

— ты призываешь силу великана, которая сокрушит любую преграду. Но если ты ошибёшься в наклоне хотя бы на градус, преграда сокрушит тебя.

Я чертил до боли в пальцах, до головокружения, до слёз. Рваные перчатки, которые дал Архивариус, не помогали — руны жгли кожу, оставляя шрамы, складывающиеся в узоры. Ведогоня говорила, что это нормально: «Инициация. Твоя плоть привыкает к магии. Скоро шрамы исчезнут, оставив лишь память».

Я не верил, что они исчезнут. Но память они оставляли действительно.

Через месяц я мог чертить базовые руны с закрытыми глазами, вкладывая в них столько силы, что от нарисованного на стене *Совило* в комнате становилось светло, как в ясный полдень. Архивариус был доволен. Ведогоня — нет.

— Ты слишком торопишься, — сказала она, когда я в очередной раз пытался объединить три руны в одно плетение. — Скорость — враг точности. Ты хочешь стать сильным быстро, но быстро — значит бездумно. А бездумные колдуны долго не живут.

— Я хочу вернуться домой, — ответил я, вытирая пот со лба. — К обычной жизни. К работе, пиву, сериалам.

— Этой жизни больше нет, — спокойно сказала Ведогоня. — Ты принял дар. Обратной дороги нет. Но ты можешь обрести новую жизнь. Не хуже старой. Просто другую.

— С врагами, которые хотят меня убить? С заклинаниями, которые могут испепелить меня за ошибку? С вами, которые смотрят на меня как на подопытного кролика?

Ведогоня улыбнулась. Это была первая её улыбка за месяц, и она изменила её лицо до неузнаваемости: фарфоровая маска треснула, и из-под неё выглянуло живое, тёплое, почти человеческое.

— Не как на кролика, Тарас. Как на ученика. Ты талантлив. Очень. Но талант без дисциплины — это огонь без дров. Сначала горит ярко, а потом гаснет, оставляя лишь пепел.

Она положила свою ладонь на мою, и я почувствовал, как её сила — прохладная, текучая, как вода в лесном ручье — смешивается с моей, горячей, неровной. Наши руны засветились в унисон. И в этот миг я впервые увидел её не как наставницу, а как женщину: хрупкую, усталую, с тайной за плечами, которую она несла одна.

— Кто вы на самом деле, Ведогоня? — спросил я.

— Я — та, кто потеряла всё, — ответила она, убирая руку. — И обрела новое. Как и ты. Она ушла, оставив меня одного в комнате с мерцающими рунами на стенах.

В ту ночь я не спал. Я сидел у окна, смотрел на лес, который, как выяснилось, действительно был живым — его деревья перешёптывались, передвигали корни, иногда тянули ветви к окнам, словно пытались заглянуть внутрь. Кольцо на пальце пульсировало ровно, и в этой пульсации я начал различать ритм — древний, как сама земля, — который успокаивал, навевал мысли о чём-то далёком, почти забытом.

Я думал о бабушке. О её сухих тёплых руках, о том, как она шептала что-то над моей подушкой, когда я болел, — и болезнь отступала. О том, как она смотрела на закат и говорила: «Солнце уходит, но оно возвращается. Так и сила. Уходит из одного рода — приходит в другой».

Я думал о своём прошлом — о том, как я презирал всё таинственное, считая его обманом и шарлатанством. И смеялся над теми, кто верил в магию. Смеялся над бабушкой. А теперь сидел в поместье колдунов, чертил руны и разговаривал с сущностями, которых никто из обычных людей не увидит.

Смешно, не правда ли?

На следующее утро меня разбудил грохот. Я выскочил из кровати, схватился за нож, который теперь всегда лежал под подушкой (кстати, странная привычка — я ни разу не использовал его в бою, но без него чувствовал себя голым), и выглянул в окно.

Во дворе кипело сражение.

Двое в чёрных плащах (такие же, как мои конвоиры) кружили вокруг третьего — молодого парня в синей мантии, с посохом, на конце которого горел огонь. Парень отбивался умело, но силы были неравны. Я узнал его — Денис, ещё один ученик, появившийся в Чёрном Пределе на две недели позже меня. Он был тихим, незаметным, говорил шёпотом и вечно носил с собой потрёпанный блокнот, куда записывал всё, что говорили наставники.

— Помоги ему! — крикнула Ведогоня, возникшая на пороге моей комнаты. Она была в боевом облачении — кожаный корсет, короткий меч на поясе, руны на щеках, светящиеся яростным алым. — Они хотят забрать его посох!

— Кто они?

— Предатели. Те, кто служит Чёрному Кругу. Внутренняя война, мальчик. Добро пожаловать в реальность.

Я не думал. Я выскочил во двор, чертя на лету руну *Турисаз*. Воздух передо мной сгустился, превратился в невидимую стену, о которую споткнулся первый нападавший. Вторым обернулся ко мне, и из его рук вырвались чёрные цепи — точно такие же, что опутывали меня в моей московской квартире.

Но теперь я был не тот.

Я выставил левую ладонь, нарисовал в воздухе *Альгиз* — защиту — и цепи рассыпались, не достигнув цели. Потом *Кеназ* — факел — и из моих пальцев ударил луч золотого света, ударивший нападавшего в грудь. Он вскрикнул, рухнул на землю, и его плащ задымился.

— Не убивай! — крикнула Ведогоня, но я и не собирался. Я просто хотел, чтобы он отступил.

Они отступили. Двое, что нападали на Дениса, подхватили раненого и исчезли в лесу — деревья расступились перед ними, как вода.

Денис опустил посох. Огонь на его конце погас.

— Спасибо, — выдохнул он. — Я думал, мне конец.

— За что они охотились на тебя? — спросил я.

— За посох. Это наследство моей матери. Он связан с артефактами — с твоей книгой, с ножом, с кольцом. Вместе они образуют Ключ.

— Какой ещё Ключ?

Ведогоня подошла к нам, её руны потускнели.

— Ключ от Врат, — сказала она. — Врат, ведущих в Навь — мир мёртвых. Тот, кто откроет их, получит власть над жизнью и смертью. Твоя бабка закрыла их, Тарас. Но теперь, когда ты нашёл артефакты, врата начали открываться вновь. Есть те, кто хочет этого. Есть те, кто хочет помешать. Внутренняя война, о которой я говорила, — это битва за Ключ.

— И я — этот Ключ? — догадался я.

— Ты — часть его. Самая важная часть. Книга без тебя — пустой пергамент. Нож без тебя — кусок металла. Кольцо без тебя — просто украшение. Но когда ты един с ними, ты — Ключ. Или оружие.

Она посмотрела мне в глаза, и в её взгляде я прочитал то, что она не решалась произнести вслух: оружие всегда стреляет. И тот, кто держит его, редко остаётся невредимым.

В тот день я узнал ещё кое-что. О том, что Калиостро, глава Круга Чёрного Предела, был не просто хранителем, а одним из тех, кто жаждал открыть Врата. Что Архивариус когда-то был его лучшим другом, а теперь стал его тюремщиком. Что Ведогоня — дочь колдуньи, погибшей при закрытии разлома, и что её долг перед бабушкой — защищать меня, даже если это будет стоить ей жизни.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил я, когда она закончила.

— Потому что ты должен знать правду, прежде чем делать выбор. А выбор тебе предстоит сделать. Скоро.

Она ушла. Денис ушёл тоже, сославшись на усталость. Я остался один посреди двора, где ещё дымились земля от магических ударов, и смотрел на лес, который шевелился, дышал, ждал.

Кольцо на пальце пульсировало тревожно, быстро, как сердце загнанного зверя.

— Что ж, — сказал я, обращаясь к нему. — Показывай, куда идти.

Кольцо дёрнулось, потянуло меня вперёд. Я пошёл.

Глава III. О том, как я встретил Хозяйку Чёрного Озера и что из этого вышло

Лес забирал меня всё глубже. Кольцо вело, как цепной пёс, которому доверили слепого хозяина. Я шёл по тропам, которых не было на картах (а карт у меня, впрочем, и не было), переступал через корни, что извивались, как змеи, раздвигал ветви, которые тянулись к моему лицу, словно хотели поцеловать, обнять, задушить. Деревья шептали. Я различал слова: «Иди», «Спеши», «Она ждёт», «Она помнит».

— Кто ждёт? — спросил я, но лес молчал.

Я шёл, пока солнце (здешнее, бледное, как призрак) не начало клониться к западу, а потом и вовсе исчезло, оставив меня в сумерках, где тени стали длиннее и агрессивнее. Я уже хотел повернуть назад, когда кольцо дёрнуло особенно сильно и замерло.

Я вышел на берег озера.

Оно было чёрным. Не просто тёмным от отражённого неба — чёрным, как сажа, как деготь, как сама бездна. Вода не шелохилась, не рябила, не отражала луну (луны, кстати, тоже не было). Она стояла плотной, маслянистой массой, и от неё пахло... тишиной. Удивительно, но у тишины тоже есть запах — запах отсутствия звуков, ожидания, пустоты.

На берегу, на камне, поросшем мхом, сидела женщина.

Она была прекрасна той красотой, от которой перехватывает дыхание не потому, что хочется обладать, а потому, что понимаешь: обладать этим нельзя. Это — как рассвет, как звёзды, как смерть. Её волосы были цвета воронова крыла, глаза — серебряными, без зрачков, и в них отражалось небо, которого не было. Она была одета в длинное платье из чёрного шёлка, расшитое рунами — теми самыми, что я учил.

— Ты пришёл, Тарас, — сказала она, и её голос звучал как вода, падающая с высоты на камни. — Я ждала тебя.

— Кто ты? — спросил я, не приближаясь.

— Я — Хозяйка этого озера. Здесь, на дне, лежит то, что ты ищешь. Твой истинный меч. Не нож, который ты носишь на поясе — это лишь отмычка. Настоящий меч — здесь.

Она указала на чёрную воду.

— Зачем он мне?

— Чтобы сражаться. Война близко, Тарас. Внутренняя война в Круге перерастёт в нечто большее. Те, кто хотят открыть Врата, не остановятся ни перед чем. Ты должен быть готов.

— А ты — на чьей стороне?

— Я — на стороне жизни, — ответила она. — Я — Хранительница. Как и твоя бабка. Как и Ведогоня. Но мы, хранители, не можем вмешиваться напрямую. Мы только указываем путь. Идти по нему ты должен сам.

Она встала, подошла к воде. Её босые ступни не касались земли — она парила над ней, точно призрак.

— Чтобы достать меч, ты должен погрузиться в озеро. На дне ты встретишь тех, кого потерял. Они будут звать тебя, обманывать, пытаться удержать. Не поддавайся. Иди вперёд. Меч ждёт.

— А если я не справлюсь?

— Тогда ты останешься на дне. Как многие до тебя.

Она улыбнулась — и растаяла, словно её и не было.

Я стоял на берегу, смотрел на чёрную воду и думал. У меня не было плана, не было подготовки, не было даже нормального ужина (последний раз я ел в семь утра). Было только кольцо, которое пульсировало спокойно и уверенно, и голос внутри, который шептал: «Прыгай. Или ты не мужчина?».

Мужчина я или не мужчина — вопрос спорный. Но трусом я никогда не был.

Я разделся, оставив одежду на камне. Нож положил рядом — он не понадобится под водой. Книгу сунул за пазуху — она, как выяснилось, не боялась влаги. Кольцо осталось на пальце. И я прыгнул.

Вода была холодной. Не просто холодной — ледяной, обжигающей, такой, что перехватывает дыхание, и кажется, что тысяча игл впивается в кожу. Но я плыл. Вниз, в темноту, где не было видно ни дна, ни берега, ни света.

И тогда они пришли.

Тени. Они поднимались из глубины, бесформенные, пульсирующие, с голосами, которые я узнавал. Мать. Она умерла, когда мне было десять, и я скучал по ней так, что сердце болело. Она звала меня: «Тарас, сынок, иди ко мне. Я соскучилась. Мы будем вместе, как раньше».

— Это не ты, — прошептал я, зажмуриваясь. — Ты умерла. Ты не можешь быть здесь.

— Смерть — не преграда, — ответила тень голосом матери. — Только здесь, в озере, я могу вернуться к тебе. Останься. Не уходи.

Вторая тень — бабушка. Она стояла с ласковыми глазами, протягивала руки, и в них был кусок пирога — такой, какой она пекла в детстве.

— Тарас, я старенькая, я соскучилась. Смотри, как я испеклась. Останься, внучек, поешь.

Я чувствовал, как силы покидают меня, как вода затягивает глубже, как лёгкие наполняются не воздухом, а отчаянием.

— Вы не они, — сказал я, сжимая кулак. Кольцо на пальце раскалилось, и боль отрезвила. — Вы — тени. Ложь. Моя мать умерла с улыбкой на лице, она не плакала. Бабушка никогда не пекла пирогов — она считала выпечку баловством. Вы — подделки. Убирайтесь!

Я ударил руной *Хагалаз* — разрушением — и тени разлетелись, как дым.

Вода расступилась. Я увидел дно.

Оно было устлано костями. Человеческими, звериными, и такими, чья природа не поддавалась определению. А в центре, на каменном постаменте, лежал меч.

Он был длинным, прямым, с гардой, выкованной в форме крыльев. Лезвие чернело, как озерная вода, но внутри него, глубоко, горел огонь — золотой, живой, пульсирующий в такт моему кольцу. Я взялся за рукоять.

Меч запел.

Не звуком — вибрацией, пронзившей каждую клетку моего тела. Я увидел своё прошлое — всё до мельчайших подробностей: первое падение с велосипеда, обиды, ссоры, улыбки, поцелуи. Я увидел будущее — расплывчатое, зыбкое, полное теней и огней. И в центре этого будущего — себя. С мечом. С книгой. С ножом. И с кольцом, которое больше не было просто украшением — оно стало частью моей души.

— Ты мой, — сказал меч. — А я — твой. Вместе мы откроем врата. Или закроем их.

Я выдержал его из камня.

Озеро взорвалось. Вода хлынула вверх, подбрасывая меня к поверхности, как пробку из бутылки шампанского. Я вылетел на берег, больно ударился о камни, закашлялся, отплёвываясь тиной. Меч лежал рядом, тёплый, живой, с лезвием, которое больше не было чёрным — оно отливало золотом.

— Ты сделал это, — раздался голос Хозяйки. Она стояла надо мной, склонив голову набок, и в её глазах серебро сменилось золотом. — Ты выдержал. Ты достоин.

— Чего достоин? — спросил я, пытаюсь встать.

— Всего, — ответила она. — И ничего.

Она протянула руку, помогая подняться. Я взял её — и почувствовал, как её сила перетекает в меня, успокаивая, врачуя, укрепляя. Руны на моей коже засветились ровным золотым светом.

— Ты теперь не просто ученик, Тарас, — сказала Хозяйка. — Ты — воин. Но помни: меч — это только инструмент. Главное — то, что у тебя в сердце. И в голове. Не потеряй их.

Она исчезла, как и в прошлый раз.

Я поднял меч, вложил его в ножны, которые внезапно оказались у меня на поясе (магия, ничего не поделаешь), и отправился обратно в Чёрный Предел. Лес расступался передо мной, как море перед Моисеем, и ветви не пытались меня задушить — они кланялись.

В усадьбе меня ждал переполох. Калиостро, оказывается, узнал о моём уходе и пришёл в ярость. Архивариус бледнел, Ведогоня молчала, сжимая кулаки. Денис стоял в углу с таким видом, будто собирался на мои похороны.

— Где ты был? — рявкнул Калиостро, когда я вошёл в залу.

— Купался, — ответил я, показывая меч. — И нашёл это.

Старик побледнел. Архивариус охнул. Ведогоня улыбнулась — впервые за долгое время.

— Меч Эйваз, — прошептал Калиостро. — Тот, что может резать реальность. Где ты его взял?

— В озере. Хозяйка отдала.

— Хозяйка Чёрного Озера? — он схватился за голову. — Мальчик, ты понимаешь, что ты натворил? Меч Эйваз — это не просто оружие. Это ключ ко всем Вратам. С ним ты можешь открыть любой портал, любую дверь, любой мир. Если он попадёт не в те руки...

— Он попал в мои, — перебил я. — И я не отдам его ни вам, ни кому другому. Я пойду своей дорогой.

Я развернулся и вышел из залы, оставив Калиостро с открытым ртом. Ведогоня догнала меня в коридоре.

— Ты рискуешь, — сказала она. — Он силён. Очень. И он не простит тебе этого вызова.

— Я знаю, — ответил я. — Но он не получит меч. Никто не получит. Я буду хранить его сам.

— А если у тебя не хватит сил?

— Тогда я умру, как мои предшественники. Но умру с мечом в руке, а не в клетке.

Ведогоня смотрела на меня долго, потом кивнула.

— Ты стал мужчиной, Тарас, — сказала она. — Я горжусь тобой.

Она поцеловала меня в щёку — быстро, почти невесомо — и ушла.

Я остался один в коридоре, освещённом бледными магическими светильниками, с мечом у пояса, книгой за пазухой, ножом на поясе и кольцом на пальце. И я чувствовал себя не испуганным — готовым.

Война приближалась. Но теперь у меня было оружие, чтобы встретить её.

Глава IV. О том, как предательство пришло изнутри и почему иногда враг ближе, чем ты думаешь

Следующие три дня прошли в напряжении. Калиостро не вызывал меня, не требовал объяснений, даже не смотрел в мою сторону, когда мы случайно встречались в коридорах. Архивариус стал ещё молчаливее, а Ведогоня — ещё загадочнее. Только Денис оставался прежним: тихим, вечно пишущим что-то в блокнот. Но я замечал, как иногда его глаза следили за мной, и в этом взгляде было нечто большее, чем обычное любопытство.

— Ты знаешь, — сказал он однажды вечером, когда мы сидели в общей гостиной, — Калиостро боится тебя.

— С чего ты взял?

— Он никогда не боится, если только не видит в ком-то угрозу. А ты — угроза. Меч Эйваз, три артефакта... ты можешь стать сильнее его.

— Я не хочу становиться сильнее. Я хочу вернуться домой и забыть всю эту магию как страшный сон.

— Не получится, — Денис покачал головой. — Магия не забывается. Она остаётся в крови. Ты можешь уехать, отречься, сжечь книгу и расплавить меч, но кольцо останется с тобой. А с кольцом — и воспоминания. И способности. И враги.

Он замолчал, уставившись в свой блокнот. Я видел, что он хочет сказать что-то ещё, но не решается.

— Говори, — потребовал я.

— В Круге есть предатель, — выпалил он. — Кто-то, кто связан с Чёрным Кругом извне. Кто-то, кто открыл врагам путь в усадьбу.

— Откуда ты знаешь?

— Я... я подслушал разговор Архивариуса и Ведогони. Они не знают, кто это, но подозревают нескольких. В том числе...

Он запнулся.

— В том числе меня, — закончил я.

Денис кивнул. Я рассмеялся — горько, зло.

— Конечно. Чужак, который пришёл ниоткуда, принёс с собой артефакты, получил меч, бросил вызов главе Круга. Идеальный подозреваемый.

— Но ты не предатель, — тихо сказал Денис. — Я знаю. Я чувствую.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что предатель — я, — выдохнул он, и его лицо побелело как мел. — Я связан с Чёрным Кругом. Не по своей воле — меня принудили. Угрожали моей семье. Я передавал им информацию о твоём обучении, о перемещениях, о планах Калиостро. Я... я не хотел.

Я вскочил, рука сама потянулась к мечу.

— Ты предал меня? — прошипел я.

— Я предал всех, — тихо ответил Денис. — Но теперь я хочу всё исправить. Они придут сегодня ночью. Чёрный Круг. Они знают, что ты получил меч, и хотят забрать его любой ценой. У них есть свои люди внутри — не только я. Я не знаю, кто ещё, но их много.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что я устал бояться, — он поднял на меня глаза — полные слёз, отчаяния, но в них горела искра решимости. — Потому что ты единственный, кто может их остановить. Потому что я верю в тебя.

Я опустил руку. Злость прошла, оставив место тяжёлому холодному спокойствию.

— Как они придут?

— Через подземный ход. Он начинается в склепе за усадьбой. Я проведу вас туда. Но мы должны спешить — через час они нападут.

Я кивнул. Мысленно я благодарил бабушку, которая учила меня не доверять первому впечатлению о людях. Денис казался тихим и безобидным, но под этой оболочкой скрывалась целая буря.

— Иди предупреди Ведогоню и Архивариуса, — сказал я. — Я задержу их.

— Один? Ты с ума сошёл?

— Может быть. Но если я задержу их здесь, вы успеете подготовить оборону.

Я не ждал ответа. Я вышел в коридор и пошёл к выходу. Кольцо на пальце горело, как маяк, указывая дорогу. Книга за пазухой нагрелась, и я чувствовал, как её пустые страницы ждут слов — моих слов, которые станут заклинаниями.

На улице было темно. Лес молчал — не шелестел, не перешёптывался, словно затаил дыхание. Я вышел на середину двора, встал, скрестив руки на груди. Меч висел на поясе, нож — на бедре. Книгу я держал в левой руке.

Они появились из темноты, как призраки. Их было много — человек двадцать, в чёрных плащах, с масками на лицах. Впереди шёл тот, с красными глазами — мой старый знакомый, который командовал похищением.

— Стоять, — сказал я, и мой голос прозвучал громче, чем я ожидал. — Дальше — ни шага.

— Ты один, мальчик, — усмехнулся красноглазый, снимая маску. Под ней оказалось лицо молодого мужчины — красивого, хищного, с тонкими губами и пронзительным взглядом. — Тебе не устоять.

— Попробуй.

Я вскинул руку, чертя в воздухе *Турисаз* и *Альгиз* одновременно — стена передо мной стала не просто невидимой, но и ответной. Двое нападавших, бросившихся вперёд, отлетели назад, сбитые с ног собственной же силой.

— Неплохо, — усмехнулся красноглазый. — Но ты забыл, кто я.

Он щёлкнул пальцами, и моя стена рассыпалась, как картонный домик. Я почувствовал, как его магия — липкая, как смола, и холодная, как смерть — просачивается в моё сознание, пытается подчинить, сломать.

— Ты силен, но неопытен, — сказал он, приближаясь. — Отдай меч, и я отпущу тебя живым.

— Не верю, — прохрипел я, пытаюсь сопротивляться.

— И правильно. Я убью тебя в любом случае. Но не так быстро.

Он протянул руку, чтобы коснуться моего лба — и в этот миг я ударил.

Не мечом, не ножом — книгой. Я раскрыл её, выставив перед собой, как щит, и вложил в неё всю свою ярость, весь свой страх, всю свою волю к жизни. Страницы вспыхнули золотым светом, и из них вырвались руны — сотни, тысячи рун, которые закружились вокруг меня, образуя смерч.

Красноглазый отшатнулся, закрывая лицо руками.

— Что ты делаешь? Книга Пустоты не должна...

— Книга Пустоты делает то, что я хочу! — закричал я. — Потому что она — моя! И я — её!

Я направил смерч на врагов. Они разлетались, как кегли, кто-то падал, кто-то исчезал в порталах, которые открывались прямо под ногами. Красноглазый пытался сопротивляться, но его магия таяла под натиском моей.

— Это не конец! — крикнул он, когда смерч подхватил и его. — Мы ещё встретимся, Серебряков!

Он исчез. Двор опустел.

Я упал на колени, обессиленный. Книга захлопнулась, руны погасли. Меч на поясе был холодным, нож — горячим, кольцо пульсировало ровно, успокаивая.

— Ты жив, — раздался голос Ведогони. Она стояла на пороге усадьбы, с мечом в руке и с рунами на щеках. — Я не успела помочь. Ты справился сам.

— Я не справился, — ответил я, поднимаясь. — Я выжил. Это разное.

— Иногда это одно и то же.

Она помогла мне встать. Обняла. Я чувствовал тепло её тела, запах трав и озона, и понимал, что эта женщина — не просто наставница. Она — единственная, кто верит в меня по-настоящему.

— Денис всё рассказал, — сказала она. — Мы нашли подземный ход. Там была засада, но мы отбили её. Предателей схватили.

— Денис?

— Он сдался сам. Калиостро хочет казнить его.

— Нет, — сказал я. — Он помог нам. Он заслуживает второго шанса.

— Скажешь это Калиостро, — усмехнулась Ведогоня. — Посмотрим, как он ответит.

Я пошёл в усадьбу, чувствуя, как силы возвращаются, как руны на коже начинают светиться снова. Война только начиналась. Но я был готов.

Глава V. О том, как мы собирали артефакты и теряли друзей

Дениса не казнили. Я настоял на разговоре с Калиостро, и после долгого, изнурительного спора старик сдался: Дениса лишили магических способностей и отправили в изгнание, запретив приближаться к Кругу ближе чем на сто вёрст. Перед уходом он подошёл ко мне, пожал руку и сказал:

— Ты правильно сделал, что защитил меня. Я этого не заслужил. Но я докажу, что могу быть полезным. Когда придёт время, я вернусь.

— Не возвращайся, — ответил я. — Живи обычной жизнью. Забудь о магии.

— Не могу, — усмехнулся он. — Как и ты.

Он ушёл, и я смотрел ему вслед, пока его фигура не растаяла в лесу.

Внутренняя война в Круге обострилась. Калиостро подозревал всех, даже Архивариуса, которого знал полвека. Ведогоня ходила мрачнее тучи, а я тренировался с мечом Эйваз, открывая в нём новые способности. Меч не просто резал — он рассекал реальность, позволяя мне видеть нити судьбы, сплетающиеся в узлы. Я мог шагнуть из одной комнаты в другую, не открывая двери, мог остановить стрелу на лету, мог залечить рану, просто прикоснувшись к ней лезвием.

Книга тоже менялась. Она больше не была пустой — на её страницах появлялись записи, сделанные не мной. Кто-то — возможно, те, кто владел ею раньше — оставлял подсказки, заклинания, предупреждения. «Осторожно, Калиостро», — прочитал я однажды утром. «Он хочет открыть Врата. Не дай ему».

— Это правда? — спросил я у Ведогони, показывая запись.

Она долго молчала, потом кивнула.

— Калиостро был моим учителем. Я любила его как отца. Но последние годы он изменился. Он одержим идеей открыть Врата и занять место среди Творцов. Он думает, что сможет контролировать Хаос. Но никто не может контролировать Хаос.

— Что нам делать?

— Мы должны собрать все три артефакта воедино. Книгу, нож, кольцо — и меч, который свяжет их. Вместе они образуют Ключ. Ты сможешь закрыть Врата навсегда.

— А Калиостро?

— Если он попытается помешать... ты знаешь, что делать.

Я не знал. Но кивнул.

Мы собрались в подземелье — там, где Архивариус хранил древние свитки, а Ведогоня чертила свои круги. Калиостро не пришёл — он заперся в своих покоях, отказываясь от еды и питья. Архивариус сказал, что он готовит ритуал, который позволит ему открыть Врата без Ключа, питаясь собственной жизнью.

— Он убьёт себя, — сказал старик.

— Если не убьёт нас раньше, — ответила Ведогоня.

Я положил книгу на алтарь. Нож — рядом. Кольцо — поверх. Меч вложил в центр, так, чтобы лезвие касалось каждого артефакта.

— Что теперь? — спросил я.

— Назови их имена, — сказала Ведогоня. — Истинные имена. Книга знает их. Ты тоже знаешь. Просто вспомни.

Я закрыл глаза. Книга зашептала — не словами, образами. Я увидел: **Эйваз** — меч, защитник, мост между мирами. **Кеназ** — нож, факел, очищающий огонь. **Ансуз** — кольцо, знание, связь с предками. **Йера** — книга, цикл, завершение и начало.

— Эйваз, Кеназ, Ансуз, Йера, — произнёс я, касаясь каждого артефакта. — Соединитесь. Станьте единым. Дайте мне силу закрыть Врата.

Артефакты засветились. Сначала каждый своим цветом — золотым, алым, синим, зелёным, — потом все вместе, сливаясь в белый, ослепительный свет. Я почувствовал, как их сила вливается в меня, переполняет, сжигает. Я кричал от боли, но не отпускал.

Когда свет погас, артефактов больше не было. Вместо них на алтаре лежал ключ — обычный, серебряный, с круглой головкой и тремя выступами.

— Врата, — прошептал Архивариус. — Теперь ты можешь закрыть их.

— Где они? — спросил я.

— В подвале усадьбы. Там, где Калиостро молится своим тёмным богам.

Мы спустились в подвал. Он оказался огромным, сводчатым, с колоннами, на которых были высечены сцены из жизни древних колдунов. В центре, на полу, горел круг — чёрный, пульсирующий, и внутри него зияла бездна. Оттуда тянуло холодом, страхом, безысходностью.

Калиостро стоял у края круга, с посохом в руке, и улыбался.

— Ты пришёл, — сказал он. — Я знал, что ты придёшь. Ты сильнее, чем я думал.

— Не делай этого, — попросил я. — Закрой Врата. Пока не поздно.

— Поздно было тысячу лет назад, — ответил Калиостро. — Когда мои предки открыли их впервые. Я не собираюсь закрывать их. Я собираюсь войти.

Он шагнул в круг. Бездна ответила ему — выбросила щупальца тьмы, которые обвили его, подняли в воздух.

— Прощайте, — сказал Калиостро. — Я становлюсь богом.

Он исчез. Бездна сомкнулась за ним.

Круг потух. Врата закрылись сами — потому что тот, кто мог их удерживать, ушёл.

— Он погиб, — прошептал Архивариус. — Или стал чем-то иным.

— Врата закрыты? — спросил я.

— Закрыты. Но ключ остался. Ты должен хранить его. И передать следующему.

— Следующему?

— Когда придёт время. Может быть, через сто лет. Может быть, через тысячу. Кровь старых родов не умирает. Она ждёт.

Я сжал ключ в руке. Он был тёплым, живым.

Мы вышли из подвала. Над усадьбой вставало солнце — настоящее, золотое, какое бывает только после долгой ночи. Лес шумел, приветствуя новый день.

— Что теперь? — спросил я у Ведогони.

— Теперь ты свободен, — ответила она. — Можешь вернуться в свой мир. Жить обычной жизнью.

— А ты?

— Я останусь здесь. Мой долг — охранять это место. Пока не придёт следующий.

Я смотрел на неё, и понимал, что не хочу уходить. Что эта женщина, этот лес, эта магия стали частью меня. Но бабушка учила: «Тарас, когда долг выполнен, уходи. Не оглядывайся. Иначе оглядывания станут твоей тюрьмой».

Я поцеловал Ведогоню в щёку. Обнял Архивариуса. Посмотрел на усадьбу в последний раз.

И шагнул в портал, который открыл передо мной меч.

Эпилог. О том, как круг замкнулся и начался снова

Я вернулся в Москву. В свою квартиру, где пахло пылью и одиночеством. Меч, нож и книгу я спрятал в тайник, который создал магией, — никто не найдёт их, кроме того, кому они предназначены. Кольцо осталось на пальце. Снять его я так и не смог.

Я уволился из агентства. Открыл маленькую лавку — «Серебряков и сын», где продаю старые книги и травы. Приходят ко мне разные люди. Интересующиеся эзотерикой. Испуган-

ные. Отчаявшиеся. Я слушаю их, смотрю на ауры, иногда даю советы. И никогда не использую магию.

— Почему? — спросила меня однажды Лиза, девушка с первого этажа, которая заглянула на чай.

— Потому что магия — это ответственность, — ответил я. — Слишком большая для обычной жизни.

— А ты — обычный?

Я посмотрел на кольцо, которое на миг блеснуло золотом.

— Нет, — сказал я. — Но я учусь им быть.

Ночью мне снятся сны. Чёрное озеро, Хозяйка, которая улыбается и манит пальцем. Ведогоня, чертящая круги на снегу. Денис, который идёт по лесу, одинокий, но не сломленный. И Калиостро — стоящий на пороге бездны, уже не человек, но ещё не бог.

— Ты вернёшься, — шепчет он во сне. — Время придёт.

— Не скоро, — отвечаю я.

— Скоро. По меркам вечности — всегда скоро.

Я просыпаюсь в холодном поту, смотрю на потолок, где танцуют тени от уличных фонарей. Кольцо пульсирует ровно, успокаивающе.

— Тихо, — шепчу я ему. — Всё будет хорошо.

И верю в это.

Потому что я — Хранитель. Потому что у меня есть Ключ. Потому что где-то там, в Чёрном Пределе, меня ждут.

Но это уже совсем другая история.

Конец первой книги.

Продолжение следует...

Чёрный Круг

Книга вторая. Тень прошлого

Глава I. О том, как мирная жизнь оказалась обманчивой и что делать, когда прошлое стучится в дверь

Три месяца спустя после возвращения в Москву я почти убедил себя, что всё случившееся — лишь затянувшийся кошмар, порождённый переутомлением и склонностью к мистике. Лавка «Серебряков и сын» приносила небольшой, но стабильный доход, соседи привыкли к странному молодому человеку, который продаёт травы и старые книги, а по ночам не гасит свет до рассвета. Лиза с первого этажа заходила на чай всё чаще, и я начал подозревать, что ей интересен не столько травяной сбор, сколько я сам.

— У тебя руки странные, — сказала она однажды, разглядывая мои пальцы. — Эти линии... они похожи на татуировку, но я не помню, чтобы они были у тебя раньше.

— Ожог, — соврал я. — Детство, плита.

— Врёшь, — спокойно ответила Лиза. — Но ладно. У каждого есть секреты.

Она улыбнулась и ушла, оставив меня в одиночестве с кружкой остывшего чая и чувством, что моя тайна — не такая уж и тайна. Кольцо на пальце пульсировало насмешливо: «Скажи ей. Или не скажи. Всё равно узнает. Или умрёт».

Я заставил кольцо замолчать.

Книга, нож и меч лежали в тайнике за книжным шкафом — месте, которое я оградил такими защитными чарами, что даже Архивариус позавидовал бы. Я не прикасался к ним, не открывал, не чертил рун. Я жил обычной жизнью, убеждая себя, что это — правильно.

Увы, прошлое не терпит, чтобы его хоронили.

Всё началось с клиентки. Она зашла в лавку под вечер, когда я уже собирался закрыться. Женщина лет тридцати, в длинном пальто, с бледным лицом и глазами, в которых застыл страх, похожий на многолетнюю привычку.

— Вы тот, кто помогает? — спросила она, оглядываясь. — Мне сказали, вы травник. Что можете снять порчу.

— Порчу? — я чуть не рассмеялся. — Уважаемая, порча — это предрассудки. Я продаю травы от бессонницы и расстройства желудка.

— Вы врётё, — сказала она, и в её голосе прозвучала такая же уверенность, как недавно в голосе Лизы. — Ваше кольцо. Оно светится.

Я опустил руку под прилавок. Кольцо действительно слегка фосфоресцировало — признак того, что рядом магия. Или маг.

— Кто вас послал? — спросил я, меняя тон.

— Никто. Я сама нашла. Я... я чувствую таких, как вы. С детства. Моя бабка была знахаркой. Она говорила, что по крови мы из старых родов. А теперь... теперь мой сын пропал. Его украли.

— Украли? Кто?

— Те, кто в чёрном. С лицами-масками.

У меня похолодело внутри.

— Чёрный Круг, — прошептал я.

— Вы знаете их? — женщина подалась вперёд, и в её глазах зажглась надежда. — Спасите моего мальчика. Ему всего двенадцать. Он ничего не понимает в магии, но они сказали, что в нём течёт старая кровь. Что он им нужен как... как сосуд.

— Сосуд для чего?

— Они не сказали. Но я видела их круг. Чёрный, пульсирующий. И внутри него — пустота. Такая пустота, что смотреть больно.

Я закрыл лавку раньше времени, усадил женщину на стул, налил чаю. Её звали Марьяна, сына — Егор. Жили они в Подмоскowie, в старом доме, который достался от той самой бабки-знахарки. Три дня назад Егор не вернулся из школы. Полиция разводила руками. А на следующее утро Марьяна нашла на крыльце чёрный камень с вырезанной руной.

— Покажите камень, — попросил я.

Она вытащила из кармана пальто свёрток в носовом платке. Камень оказался базальтовой галькой с выпарапанным знаком. Я узнал его сразу — *Отала*. Руна наследия, дома, рода. Но процарапанная начерно, перевёрнутая вверх ногами — знак проклятия.

— Чёрный Круг использует детей старых родов для ритуалов открытия Врат, — сказал я, возвращая камень. — Они не убивают их. Они используют их кровь, чтобы питать свои заклинания. Ребёнок может выжить, если его спасти вовремя.

— Сколько у нас времени?

— Неделя. Может быть, десять дней.

— Вы поможете?

Кольцо на пальце сжалось, точно напоминая: «Ты обещал не лезть. Ты хотел обычной жизни».

— Помогу, — сказал я.

Ибо какая к чёрту обычная жизнь, когда на кону жизнь ребёнка?

Я позвонил Ведогоне. Связь была зашифрованная, с тройной защитой — Архивариус постарался. Она ответила после третьего гудка.

— Тарас? Что случилось?

— Чёрный Круг активизировался. Они похитили мальчика из старой семьи. Руна *Отала* перевёрнутая. Говорят, им нужен сосуд.

— Сосуд для Хаоса, — голос Ведогони стал жёстким. — Они пытаются открыть Врата с другой стороны. Без Ключа. Это безумие. Хаос разорвёт их всех.

— Но ребёнка убьёт раньше.

— Где это произошло?

- Подмосковье. Я выезжаю сегодня ночью.
- Я встречу тебя там. Возьми артефакты. Все.
- Даже меч?
- Даже меч.

Я положил трубку и посмотрел на Марьяну. Она сидела, бледная, сжимая кружку так, что костяшки побелели.

- Езжайте домой, — сказал я. — Я найду вашего сына.
- Вы уверены?

— Настолько, насколько может быть уверен человек, который три месяца назад сам был пленником Чёрного Круга.

Она ушла. Я запер лавку, спустился в подвал, где хранил самое дорогое. Книгу, нож, меч. Кольцо всегда было со мной.

Артефакты ждали. Они не покрылись пылью, не потускнели — они светились в темноте, как угли, готовые разгореться вновь.

- Ну что, — сказал я, беря меч в руки. — Пора встряхнуться.
- Меч загудел, соглашаясь.

Глава II. О том, как лес помнит старые обиды, а тени не прощают предательства

Я выехал из Москвы за полночь, на стареньком «Фольксвагене», который достался от соседа по гаражу. Машина была неказистой, но надёжной — как и всё, что сделано без магии. В багажнике лежали артефакты, завернутые в чёрную ткань, пропитанную защитными травами. Кольцо на пальце грело, указывая направление.

Марьяна жила в деревне Глухово, что в сорока километрах от МКАД. Место глухое, лесистое, с болотами и старыми курганами, на которых, по слухам, ещё язычники приносили жертвы. Дом её бабки стоял на отшибе, у самого леса, и когда я подъехал, меня встретила тишина — такая плотная, что уши закладывало.

Ведогоня уже была здесь. Она сидела на крыльце, поджав ноги, и перебирала руны на кожаной полосе.

- Опоздал, — сказала она без приветствия.
 - Пробки.
 - В час ночи?
 - Ладно, заправлялся. Долго выбирал, какой кофе взять.
- Она усмехнулась, но глаза оставались серьёзными.

— Я обошла лес. Чувствуется чужое присутствие. Они здесь, в радиусе трёх километров. Прячутся в старом бункере времён войны. Там когда-то был склад боеприпасов, потом его забросили. Чёрный Круг оборудовал его под ритуальный зал.

- Сколько их?
- Не меньше десятка. Возможно, больше. И сильные. Чувствуется магия смерти.
- Калиостро с ними?

— Калиостро в бездне, — отрезала Ведогоня. — Или то, чем он стал. Но его последователи остались. Их ведёт женщина. Зовут Морана. Она была женой Калиостро. Когда он ушёл, она поклялась отомстить всем, кто не спас его.

- То есть нам.
- В том числе.

Я вытащил меч, прикрепил нож к поясу, книгу положил во внутренний карман куртки. Ведогоня смотрела на меня с одобрением.

— Ты изменился, — сказала она. — Раньше ты боялся оружия. Теперь оно стало частью тебя.

— Страх никуда не делся, — ответил я. — Просто я научился действовать, несмотря на него.

Мы пошли в лес. Ночь была безлунной, но мои глаза различали каждую ветку, каждый камень — дар кольца, которым я ещё не до конца овладел. Ведогоня шла бесшумно, как тень, и я слышал лишь собственное дыхание.

Лес вспоминал. Деревья тянули к нам корни, пытаясь опутать ноги, но я чертил руну *Эйваз* на ходу, и они отступали. Ветви шептали: «Уходите, уходите, они ждут, они злы». Я не слушал.

Бункер нашёлся в овраге, заросшем крапивой и малиной. Старая железная дверь, обитая ржавыми листьями, была приоткрыта. Изнутри тянуло холодом и запахом тлеющих трав — полынь, зверобой, что-то ещё, приторно-сладкое, похожее на ладан.

— Я пойду первым, — сказал я.

— Нет. Мы вместе, — ответила Ведогоня, обнажая свой короткий меч, на лезвии которого светились руны.

— Ты командуешь, или я?

— Я старше.

— Оспорить не могу.

Я шагнул в темноту.

Коридор был узким, стены — бетонными, с облупившейся краской и надписями, оставленными, наверное, ещё солдатами. «Смерть фашистам», «Вернёмся с победой». История, спрессованная в слои пыли и времени.

Мы спустились на два яруса. С каждым шагом воздух становился плотнее, тяжелее. Магия висела в нём, как туман.

А потом мы вышли в зал.

Это было огромное помещение — бывший склад боеприпасов, превращённый в святилище. В центре горел чёрный круг, точно такой же, как в подвале Чёрного Предела. Внутри круга, связанный по рукам и ногам, лежал мальчик. Егор. Он был без сознания, но я видел, как вздымается его грудь — жив.

Вокруг круга стояли колдуны в чёрных плащах. Их было двенадцать — как учеников, как апостолов, как часов на циферблате. Во главе — женщина. Морана. Она была красива той жуткой красотой, что свойственна вдовам, которые долго горевали и в конце концов возненавидели весь мир. Её платье было чёрным, волосы — седыми, а глаза — пустыми, как выжженная земля.

— Тарас Серебряков, — сказала она, и её голос звучал как скрежет металла по стеклу. — Я ждала тебя. Ты принёс Ключ?

— Я принёс меч, — ответил я, обнажая *Эйваз*. — И не для того, чтобы открывать Врата.

— Глупец. Врата откроются в любом случае. С твоей помощью или без. Слишком много старой крови пролито. Слишком много слёз.

— Отпусти мальчика.

— Мальчик — сосуд. Без него ритуал не завершится.

— Тогда я закончу его по-своему.

Я шагнул вперёд. Колдуны вскинули руки, готовые атаковать, но Ведогоня выкрикнула заклинание, и перед нами встал щит из белого света. Чёрные молнии ударили в него, рассыпая искрами.

— Я задержу их, — крикнула Ведогоня. — Иди к мальчику!

Я рванул к кругу. Пять колдунов бросились наперерез, но я чертил руны на лету — *Тури-саз* сокрушил одного, *Кеназ* ослепил двоих, меч рассёк заклинание четвёртого. Пятый успел коснуться моего плеча, и я почувствовал, как магия смерти просачивается в кровь, леденит вены.

— Не поможет, — прошепел он.

Я ударил его рукоятью меча в лицо, и он отлетел.

Круг был близко. Чёрная граница пульсировала, не пуская меня. Я поднял меч и ударил по ней, как по стене. Меч запел, радуга переливами — и барьер рассыпался.

Морана закричала.

— Не смей! Это мой ритуал!

Она бросилась на меня, и в её руках вспыхнул кинжал — из того же металла, что и мой нож. Мы сошлись в поединке. Клинки скрестились, высекая искры, которые падали на бетонный пол и гасли, не прожив и мгновения.

— Ты убил моего мужа, — шипела Морана.

— Он сам вошёл в бездну.

— Ты не спас его!

— Он не хотел, чтобы его спасали.

Я парировал удар, ушёл в сторону, нанёс ответный — меч полоснул Морану по руке. Она вскрикнула, но не выпустила кинжал.

— Хаос поглотит вас всех, — прошептала она. — И я буду смеяться.

— Смейся в бездне.

Я выбил кинжал из её руки, схватил её за горло и отшвырнул к стене. Она ударилась затылком и обмякла. Жива — я чувствовал пульс. Не убийца.

Я подбежал к Егору. Мальчик был в глубоком трансе — его магическая кровь уже начала пробуждаться, и Чёрный Круг использовал это, чтобы питать круг. Я разрезал верёвки ножом, поднял его на руки.

— Ведогоня! Уходим!

Она отбивалась от последних колдунов — их осталось четверо. Остальные лежали на полу, оглушённые или раненые.

— Открывай портал! — крикнула она.

Я сосредоточился, чертя в воздухе *Райдо* и *Ансуз*. Пространство передо мной раскрылось, как рана, — золотая воронка, ведущая в дом Марьяны.

— Прыгайте!

Ведогоня отшвырнула последнего нападавшего, подбежала ко мне, и мы шагнули в портал. Секунда — и мы в гостиной, среди диванов и ковров, под абажуром, который всё ещё горел мягким жёлтым светом.

Марьяна сидела на диване, бледная, как полотно. Увидев сына, она вскочила,хватила его у меня из рук, прижала к груди.

— Егорка, сынок, живой!

Она плакала, целовала его в лоб, в щёки. Мальчик открыл глаза — мутные, испуганные, но живые.

— Мама?

— Я здесь, я здесь...

Я отошёл к окну, прислонился к стене. Силы покинули меня, и только кольцо пульсировало, поддерживая, не давая упасть. Ведогоня подошла, молча положила руку мне на плечо.

— Мы справились, — сказала она.

— На этот раз, — ответил я. — Но Чёрный Круг не исчез. И Морана жива.

— Она вернётся. Более злая. Более сильная.

— Значит, мы будем ждать.

Марьяна подняла на меня глаза.

— Спасибо вам, — сказала она. — Век не забуду.

— Не стоит. Просто... если заметите что-то странное, звоните.

Я оставил ей свой номер, вышел на крыльцо. Лес стоял чёрный, настороженный. Но в его глубине уже не было той угрозы, что была час назад. Мы выжгли гнойник. Временно.

Ведогоня сидела на ступеньках, смотрела на звёзды.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь — вернуться в Москву. Открыть лавку. Продавать травы от бессонницы.

— И притворяться, что ты не колдун?

— А кто сказал, что я притворяюсь? — я усмехнулся. — Я просто живу. И помогаю тем, кто нуждается. Это и есть моя магия.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом кивнула.

— Ты вырос, Тарас. Калиостро был прав, называя тебя наследником.

— Калиостро мёртв. Или превратился во что-то иное. Теперь только мы.

— И Архивариус. И те, кто ещё остался.

— И те, кто ещё придёт.

Мы помолчали. Ночь была тихой, свежей. Осень вступала в свои права.

— Ты останешься? — спросил я.

— Нет. Мне нужно в Чёрный Предел. Проверить Врата. Убедиться, что они не открылись снова.

— Тогда до встречи.

— До встречи, Тарас.

Она растворилась в темноте — не порталом, а просто ушла, как обычный человек. Я смотрел ей вслед, пока её фигура не исчезла за поворотом дороги.

В доме зажёгся свет. Марьяна вышла на крыльцо с кружкой чая.

— Выпейте, — сказала она. — И отдохните. Утро вечера мудренее.

Я взял кружку, отпил. Чай был мятным, горьковатым, с мёдом.

— Спасибо, — сказал я.

— Это вам спасибо. Вы спасли моего сына. Если что-то понадобится — обращайтесь. Я в долгу.

— Вы ни в чём не в долгу, — ответил я. — Мы квиты.

Я допил чай, вернул кружку и пошёл к машине. «Фольксваген» стоял там же, где я его оставил, покрытый утренней росой. Я сел за руль, завёл двигатель и поехал в Москву.

По дороге я думал о том, что моя обычная жизнь, которую я так старательно выстраивал, рассыпается под натиском магии. Что Чёрный Круг не оставит меня в покое. Что Морана захочет отомстить. И что Ведогоня права: я вырос. И больше не боюсь.

Кольцо на пальце пульсировало спокойно, мерно — как второе сердце, которое всегда со мной.

— Ну что, — сказал я ему. — Поехали домой.

Оно сжалось в ответ — да, поехали.

Глава III. О том, как в лавку зашёл незнакомец с золотыми глазами, и что из этого вышло

Вернувшись в Москву, я первым делом выпил крепкого кофе, съел бутерброд с сыром и рухнул в кровать. Спал я почти сутки, без снов, без видений — только чернота и покой. Кольцо дремало вместе со мной, не тревожа.

Утром я открыл лавку. День обещал быть тихим — ни одного клиента до полудня. Я перебирал травы, раскладывал банки с настойками, перечитывал старые книги, которые никто не покупал. Магия моя дремала, и я был рад этому.

А потом вошёл он.

Незнакомец был высок, строен, с волосами цвета воронова крыла и глазами — золотыми, как у хищной птицы. Он был одет в длинное пальто, под которым угадывался костюм-тройка, и пахло от него... лесом. Грибами. И чем-то ещё, неуловимым, древним.

— Вы — Тарас Серебряков? — спросил он, разглядывая витрину с травами.

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответил я, не поднимая головы.

— Меня зовут Яромир. Я — хранитель северного предела. Мне сказали, что вы — новый хранитель южного.

— Кто сказал?

— Архивариус. Мы поддерживаем связь.

Я поднял голову. Его глаза были золотыми, но не светились магией — они были золотыми от природы. Редкость. Такие глаза бывают у тех, в чьих жилах течёт кровь древних зверей — или древних богов.

— Что вам нужно? — спросил я.

— Помощь, — он подошёл к прилавку, сел на стул, не дожидаясь приглашения. — На севере проснулось нечто. Не Хаос, не Принцы — иное. Старое. Оно выходит из-под вечной мерзлоты и пожирает магию. Там, где оно прошло, колдуны теряют силу, руны гаснут, артефакты рассыпаются в прах.

— Почему вы пришли ко мне?

— Потому что у вас есть Ключ. И вы не боитесь его использовать.

— Я боюсь, — честно ответил я. — Просто делаю, что должен.

Яромир усмехнулся, и в его усмешке была печаль.

— Хороший ответ. Достойный. Так вы поможете?

Я посмотрел на кольцо. Оно пульсировало ровно, без тревоги.

— Когда выдвигаемся?

— Сегодня. Через час. Я приготовил портал.

— Я возьму артефакты.

— Разумеется.

Я закрыл лавку, спустился в подвал. Книга, нож, меч — все они лежали на месте, покрытые лёгкой паутиной пыли. Я сдул её, провёл пальцами по лезвию меча. Он загудел, узнавая меня.

— Ну что, — сказал я. — Летим на север.

Меч блеснул в ответ.

Глава IV. О том, как мы сражались с вечной мерзлотой и что такое настоящий холод

Портал Яромира был не похож на те, что открывал я. Он не чертил рун, не шептал заклинаний — он просто раздвинул пространство руками, как штору, и за ней открылась тундра. Белая, бескрайняя, с редкими кустами карликовой берёзы и низким небом, которое казалось выцветшим от времени.

— Добро пожаловать в Ямал, — сказал Яромир. — Здесь, под землёй, лежит то, что мы ищем.

— А именно?

— Древний разлом. Его открыли ещё до Принцев, до Творцов. Первая рана на теле мира. Её пытались залечить, но она не заживает — только спит. А теперь проснулась.

Я шагнул в тундру. Ветер был ледяным, пробирающим до костей, но моя магия создавала тёплый кокон, защищая от холода. Кольцо светилось ярче — оно чувствовало близость древней силы.

Мы шли несколько часов. Тундра сменилась холмами, холмы — скалами. В одном из ущелий, скрытом от посторонних глаз, зияла чёрная трещина. Из неё тянуло пустотой — не холодом, не жаром, а именно отсутствием всего.

— Вот она, — сказал Яромир. — Рана.

Я подошёл к краю. Глубина была невообразимой — казалось, трещина уходит в самое сердце земли. И оттуда, из темноты, доносился звук. Пульс. Неровный, тяжёлый, как умирающее сердце.

— Что там? — спросил я.

— То, что было до магии. До жизни. До смерти.

— А оно опасно?

— Оно нейтрально. Но если оно вырвется наружу, то заменит нашу реальность своей. Где нет места ничему живому.

— То есть надо его запечатать.

— Да. И здесь нужен ты. Твой Ключ может закрыть даже такую рану.

Я вытащил книгу. Открыл на пустой странице. Золотой свет озарил ущелье, и я увидел, как стены трещины покрыты рунами — такими древними, что даже Архивариус не смог бы их прочесть. Но я читал. Кольцо переводило.

— Это язык Творцов, — прошептал я. — Они оставили здесь послание. «Тот, кто закроет эту рану, станет наследником нашей силы. Или её жертвой».

— Выбирай, — сказал Яромир.

Я выбрал.

Я встал на край трещины, поднял меч над головой и начал читать руны. Не те, что в книге — те, что на стенах. Я читал их вслух, и каждое слово отзывалось болью в груди, в кольце, в самом сердце. Земля дрожала, трещина пульсировала, пытаясь вытолкнуть меня, проглотить, уничтожить.

Но я стоял.

Я читал до тех пор, пока трещина не начала закрываться. Края сдвигались медленно, неохотно, как веки умирающего, который не хочет прощаться с миром.

— Давай! — крикнул Яромир. — Ещё немного!

Я прочитал последнюю руну — *Дагаз*, рассвет, прорыв. И трещина сомкнулась.

Земля вздохнула. Ветер утих. Небо очистилось от туч, и показалось солнце — бледное, северное, но живое.

Я упал на колени. Книга закрылась, меч выпал из рук. Кольцо пульсировало слабо, устало.

— Ты сделал это, — сказал Яромир, помогая мне встать. — Ты закрыл первую рану.

— Первую? — переспросил я.

— Их семь. Семь ран на теле мира. Семь мест, где древняя тьма пытается прорваться. Ты закрыл одну. Осталось шесть.

Я посмотрел на него. В его золотых глазах не было обмана.

— Ты поэтому пришёл, — понял я. — Не только за помощью. Чтобы завербовать меня.

— Мир нуждается в тебе, Тарас. Твоя сила, твои артефакты — они могут спасти всё, что мы построили.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься. Потому что ты — Хранитель. Это не профессия. Это судьба.

Я молчал. Кольцо пульсировало ровно, спокойно. Оно знало ответ раньше меня.

— Хорошо, — сказал я. — Закроем остальные шесть. Но не сразу. Мне нужно вернуться. У меня лавка, клиенты...

— Клиенты подождут, — усмехнулся Яромир.

— Люди — нет, — ответил я. — Они всегда нуждаются в помощи. И я не могу им отказать.

Яромир посмотрел на меня долгим взглядом, потом кивнул.

— Ты — настоящий наследник, — сказал он. — Архивариус не ошибся.

Он открыл портал, и мы шагнули обратно в Москву, в мою маленькую лавку, где пахло травами и покоем.

Я закрыл дверь, повесил табличку «Обед», сел в кресло и долго смотрел в потолок.

Кольцо пульсировало: «Ты справишься».

— Знаю, — ответил я.

И улыбнулся.

Вместо эпилога. О том, что приключения только начинаются

Прошла неделя. Я почти забыл о поездке на Ямал — память услужливо стирала слишком яркие впечатления, чтобы я мог жить дальше. Лавка работала, клиенты приходили, Лиза забегала на чай. Идиллия.

Но каждый вечер, когда я закрывал дверь и оставался один, я чувствовал, как кольцо на пальце пульсирует в такт чему-то далёкому, зовущему. И книги, лежащие на полках, шептали — не словами, а шорохом страниц, которые помнили больше, чем я.

Однажды ночью мне приснился сон. Чёрное озеро, Хозяйка, которая смотрела на меня печальными глазами.

— Ты закрыл первую рану, — сказала она. — Но шесть остальных ждут. И враги не дремлют. Морана собирает новый Круг. Чёрный Круг восстанет из пепла.

— Что мне делать? — спросил я.

— Ждать. И готовиться. Скоро ты получишь весть.

Я проснулся. На подушке, рядом с моей головой, лежал чёрный камень — точно такой же, какой показывала мне Марьяна. Только руна на нём была другая — *Райдо*. Путь.

Я сжал камень в руке. Он был тёплым, живым. Знак.

— Ну что ж, — сказал я, вставая с кровати. — Пора собираться.

Кольцо полыхнуло золотом. Книга на полке задрожала. Меч в тайнике запел тонко, нетерпеливо.

Новые приключения начинались.

Конец второй книги.

Продолжение следует...

Чёрный Круг

Книга третья. Хранитель порога

Глава I. О том, как чёрный камень привёл меня к забытой пещере и что шептали стены

Тот чёрный камень с руной *Райдо* я вертел в руках три дня. Он не грелся, не светился, не подавал признаков жизни — лежал себе на столе, как обычная галька с морского берега. Но я знал: он не обычный. Я чувствовал это каждой клеткой, каждой руной на коже, каждым ударом кольца на пальце.

— Это приглашение, — сказала Ведогоня, когда я показал ей камень. Мы сидели в её временном убежище — съёмной квартире на окраине Москвы, где она пряталась от глаз Чёрного Круга. — *Райдо* — руна пути. Тебя зовут в дорогу.

— Куда?

— Камень знает. Возьми его в руку, закрой глаза, и он покажет.

Я послушался. Кольцо нагрелось, камень в ладони задрожал, и перед внутренним взором предстала картина: старый лес, заросший мхом и папоротником, в центре — скальный выход, поросший корнями, а в нём — узкая расщелина, похожая на рану. Дальше — темнота. И запах. Сырости, грибов и чего-то ещё — древнего, похороненного, но не мёртвого.

— Я знаю это место, — сказала Ведогоня, бледнея. — Пещера Чёрного Ворона. Она находится в Карелии, на границе с финской стороной. Легенды говорят, что там похоронен первый колдун — тот, кто научил людей чертить руны. Его могила никогда не была найдена, но... возможно, камень ведёт именно туда.

— Зачем мне его могила?

— В ней хранится ключ. Не тот, что у тебя — другой. Ключ, открывающий седьмую рану. Ту, что находится в самом сердце мира.

— Я думал, мы уже закрыли одну рану на Ямале.

— Закрыли. Осталось шесть. Самая опасная — седьмая — не в земле. Она в человеке. В том, кто носит в себе Хаос. И этот человек — ты, Тарас.

Я замер.

— Калиостро хотел стать сосудом для Хаоса, — продолжила Ведогоня. — Но не смог. Хаос отторг его и ушёл в бездну. Но теперь он ищет новое тело. Твоё. Твоя кровь, твоя сила, твои артефакты — всё это привлекает его, как мёд привлекает пчёл. Если Хаос войдёт в тебя, ты станешь той самой седьмой раной. И тогда мир рухнет.

— Но я могу закрыть его внутри себя, как Калиостро?

— Калиостро не закрыл — он растворился. Ты сильнее, но и Хаос стал сильнее. Ты должен найти могилу первого колдуна и узнать, как изгнать Хаос навсегда. Иначе рано или поздно он войдёт в тебя, и ты станешь его тюрьмой, которая разрушится вместе с тобой.

Я сжал камень. Он полыхнул золотом, соглашаясь.

— Когда выезжаем?

— Завтра на рассвете.

Глава II. О том, как лес встречал чужаков и какие тайны скрывает Карельский перешеек

Мы ехали на машине Ведогони — стареньком «УАЗике», который пах бензином и дорожной пылью. Яромир присоединился к нам в пути, выйдя из портала прямо на трассе, чем едва не спровоцировал аварию.

— Люблю эффектные появления, — сказал он, запрыгивая на заднее сиденье. — Что мы знаем о пещере?

— Что она охраняется, — ответила Ведогоня, не отрываясь от дороги. — Древняя магия, старше любого из ныне живущих колдунов. Те, кто пытались войти, либо исчезали, либо сходили с ума.

— А мы чем лучше?

— У нас есть Ключ.

Я сжал в кармане медальон, образовавшийся из Ключа после закрытия ямальской раны. Он был тёплым, живым — и пульсировал в такт кольцу.

Карелия встретила нас хмурым небом и мелким, колючим дождём. Лес здесь был другим — не московским, ухоженным, а диким, первобытным. Сосны уходили в небо на десятки метров, их корни переплетались под ногами, образуя естественные лабиринты. Воздух пах мхом, хвоей и чем-то ещё — сладковатым, приторным, как запах падали, но не мертвечины, а чего-то, что только готовится умереть.

Пещеру мы нашли лишь к вечеру. Она пряталась в скальном выходе, который со стороны казался просто нагромождением камней. Но когда я поднёс к нему чёрный камень, камни расступились, открывая узкий лаз.

— Я пойду первым, — сказал я.

— Нет, — одновременно ответили Ведогоня и Яромир.

— У меня есть кольцо. Оно защитит.

— А у нас — здравый смысл, — отрезал Яромир. — Идём вместе. Тройка.

Мы полезли в лаз. Он был узким, низким, сжимающим грудь. Стены царапали лицо, корни цеплялись за одежду. Я полз, чертя перед собой руны *Альгиз*, чтобы хоть как-то осветить путь. Кольцо светилось, но этого было мало.

Через двадцать метров лаз расширился. Мы смогли встать в полный рост, и я зажёл *Кеназ* на ладони — шар золотого света озарил пещеру.

Она была огромной. Свод уходил вверх, теряясь в темноте. Стены были покрыты рунами — древними, выбитыми в камне, и они светились — тускло, устало, но всё же светились. Я узнал некоторые: *Феху*, *Уруз*, *Турисаз* — начало начал.

— Это — библиотека, — прошептал Яромир. — Первая библиотека. Здесь хранились все знания, пока люди не научились читать и писать.

— А сейчас здесь что?

— Только то, что не смогли унести. И то, что не захотели брать.

Мы двинулись вглубь. Чем дальше мы шли, тем сильнее стены давили, тем тяжелее становился воздух. Руны пульсировали в такт моему сердцу — или моё сердце подстраивалось под них.

— Осторожно, — сказала Ведогоня, останавливаясь. — Здесь круг.

Я посмотрел вниз. На полу, выложенный из чёрных камней, горел круг. Он был маленьким, в рост человека, и внутри него, скорчившись, лежал скелет. Скелет был одет в истлевший балахон, в руках сжимал посох — простой деревянный, с железным наконечником.

— Первый колдун? — спросил я.

— Нет, — покачал головой Яромир. — Первый колдун не умирал. Он ушёл в иной мир. А это — один из его учеников. Тот, кто остался охранять пещеру. И охраняет до сих пор.

Скелет зашевелился.

Я отшатнулся, выхватывая меч. Костяные пальцы разжались, выпуская посох. Череп повернулся ко мне, и в пустых глазницах зажглись огни — синие, холодные, как зимнее небо.

— Вы пришли, — сказал скелет голосом, похожим на скрежет камней. — Я ждал. Тысячу лет ждал.

— Чего? — спросил я, не опуская меча.

— Чтобы передать знание. Учитель оставил его для того, кто закроет раны. Ты — тот, кто нужен. Я вижу кольцо на твоей руке. И книгу за пазухой. И меч у пояса. Ты — Хранитель.

— Что я должен сделать?

— Пройти три испытания. Первое — победить свой страх. Второе — принять свою тень. Третье — открыть сердце.

— Это загадки?

— Это жизнь, — ответил скелет, и его челюсть сложилась в подобие улыбки. — Готов?

— Нет. Но делать нечего.

Скелет щёлкнул пальцами — и мир исчез.

Глава III. О том, как я сражался с самим собой и что страшнее монстров

Я очутился в комнате. В своей комнате. В Москве. На столе — ноутбук, кружка с остывшим чаем, на стенах — плакаты с фильмами, на кровати — разбросанная одежда. Обычная квартира обычного парня.

— Что это? — спросил я, оглядываясь.

— Твой страх, — ответил голос — не скелета, а мой собственный, но искажённый, злой. — Ты боишься, что вся магия — лишь сон. Что ты не колдун, а сумасшедший, который выдумал себе мир.

Из-за угла вышел я. Другой я. В домашних штанах, растянутой футболке, с кружкой в руке. Его глаза были пустыми, как у куклы.

— Ты — ненастоящий, — сказал он. — Ты — иллюзия. Ты никогда не был в Чёрном Пределе. Ты никогда не держал меча. Ты просто устал на работе и уснул за столом.

— Нет, — ответил я, чувствуя, как страх сжимает горло. — Это правда. Я колдун. Я Хранитель.

— Докажи, — усмехнулся двойник. — Используй магию.

Я поднял руку, чтобы начертить руну, но пальцы не слушались. Кольцо на пальце было холодным, мёртвым. Книги не было. Меча — тоже.

— Видишь? — сказал двойник. — Нет никакой магии. Ты просто спятил. Как твоя бабка. Как все ваши.

Он шагнул ко мне, и я отступил. Спиной упёрся в стену. Двойник приближался, улыбаясь.

— Боишься? Это правильно. Бойся. Бойся и проснись.

— Нет, — прошептал я. — Я не сплю. Я жив. Я помню.

— Что ты помнишь?

— Всё. Холод Чёрного Предела. Свет рун. Глаза Ведогони. Золото Яромира. Меч, поющий в руке. Я — Хранитель. И я не отрекусь.

Я шагнул навстречу двойнику — не магией, не силой, а просто волей. Протянул руку и коснулся его плеча.

Двойник рассыпался, как песок. Комната исчезла. Я снова стоял в пещере, и скелет смотрел на меня пустыми глазами, в которых горел одобрителный огонь.

— Первое испытание пройдено, — сказал он. — Ты победил страх не отрицанием, а принятием. Ты признал, что боишься — и пошёл вперёд. Это достойно.

— А второе? — спросил я, переводя дух.

— Второе начнётся сейчас.

Скелет щёлкнул пальцами — и мир снова исчез.

Глава IV. О том, как я встретил свою тень и что она мне сказала

Теперь я стоял на берегу Чёрного Озера. Того самого, где я нашёл меч. Хозяйка сидела на камне и смотрела на воду.

— Здравствуй, Тарас, — сказала она. — Ты пришёл за вторым испытанием?

— Да.

— Твоя тень ждёт тебя.

Она указала на воду. Я подошёл, заглянул в чёрную гладь. В отражении я увидел себя — но другого. Не двойника из страха — другого. Взрослого, седого, с морщинами на лице и печалью в глазах. В отражении я был старым.

— Кто ты? — спросил я.

— Твоя тень, — ответил старик. — Тот, кем ты станешь, если продолжишь свой путь. Одинокий, усталый, но не сломленный. Я — твоё будущее, Тарас. Ты боишься меня?

— Нет, — ответил я, подумав. — Ты — не страх. Ты — реальность. Плата за силу.

— Ты готов её заплатить?

— Если придётся — да.

— Хорошо, — старик улыбнулся. — Второе испытание пройдено. Ты принял свою тень. Не отрёкся, не сбежал — принял. Иди дальше.

Он исчез. Хозяйка кивнула мне, и я снова оказался в пещере.

Скелет смотрел одобрително.

— Третье испытание будет самым трудным, — сказал он. — Ты должен открыть сердце.

— Кому?

— Себе.

Глава V. О том, как я открыл сердце и что нашёл внутри

Я ждал, что мир снова исчезнет, но ничего не произошло. Я стоял в пещере, и скелет смотрел на меня выжидательно.

— В чём испытание? — спросил я.

— Ты уже в нём, — ответил скелет. — Открыть сердце — значит ответить на вопрос: зачем тебе сила? Не ради чего — зачем? Что движет тобой?

Я задумался.

— Сначала — страх, — сказал я. — Потом — долг. Потом — желание защитить тех, кто не может защитить себя. А теперь... теперь я не знаю.

— Вот оно, — скелет кивнул. — Незнание — и есть открытое сердце. Тот, кто знает всё, закрыт для нового. А ты — открыт. Ты готов учиться, меняться, расти. Это и есть третье испытание.

— Так просто? — не поверил я.

— Простое — всегда самое трудное, — ответил скелет. — Ты прошёл.

Он поднял посох и протянул его мне.

— Возьми. Это — дар. Не магический, не материальный. Это — знание. Воспоминания первого колдуна. Теперь они станут твоими.

Я взял посох. И мир взорвался образами.

Я увидел первого колдуна — не человеком, а существом из света и тьмы, которое пришло из-за граней мироздания, чтобы научить людей магии. Увидел, как он чертил первые руны, как открывал первые врата, как запечатывал первые раны. Увидел его учеников — тех, кто предал, и тех, кто остался верен. Увидел его смерть — не конец, а переход.

И последнее, что я увидел, было послание: «Тот, кто читает это, — мой наследник. Храни порог. Не дай Хаосу войти. И помни: магия — не оружие. Магия — это мост».

Я открыл глаза. Посох в руках стал тёплым, живым. Руны на нём засветились золотом.

— Теперь ты — Хранитель Порога, — сказал скелет. — Не просто хранитель Ключа, а хранитель границы между мирами. Твоя задача — не дать Хаосу проникнуть в наш мир. Ни через раны, ни через людей, ни через тебя самого.

— Я справлюсь, — сказал я.

— Знаю. Иди.

Скелет рассыпался в прах. Пещера содрогнулась, и стены начали рушиться.

— Бежим! — крикнул Яромир, хватая меня за руку.

Мы бросились к выходу. Камни падали за спиной, пыль клубилась, руны гасли. Я бежал, сжимая в одной руке посох, в другой — меч. Ведогоня чертила перед нами защитный круг, отбрасывая обломки.

Мы вылетели наружу за секунду до того, как вход в пещеру обрушился окончательно.

Лес встретил нас тишиной. Дождь кончился, небо очистилось, и в прорехах облаков показались звёзды.

— Ты сделал это, — сказала Ведогоня, тяжело дыша.

— Мы сделали это, — ответил я.

Я посмотрел на посох. Он больше не светился, но я чувствовал его силу — спокойную, мудрую, древнюю.

— Что теперь? — спросил Яромир.

— Теперь — домой, — ответил я. — Отдыхать. И готовиться к следующей ране.

— К какой?

— Ко всем. Их осталось шесть. И Чёрный Круг не дремлет.

Мы пошли к машине. Лес шумел, провожая нас.

Эпилог к третьей книге. О том, как круг замкнулся и что ждёт впереди

Я вернулся в Москву. Посох поставил в угол лавки, рядом с зонтами и тростями. Он смотрелся там уместно, словно всегда там был.

Клиенты приходили, покупали травы, просили совета. Лиза забегала каждый день, и я замечал, как её взгляд задерживается на новых шрамах на моих руках — тех, что оставили руны во время испытаний.

— Ты был в опасности? — спросила она однажды.

— Всегда, — ответил я.

— И ты не боишься?

— Боюсь. Но это не останавливает.

Она кивнула, не спрашивая больше.

Ночью мне приснился сон. Чёрное Озеро, Хозяйка, которая манила пальцем. И голос, шептавший: «Следующая рана — в Подмоскovie. В старом монастыре. Там, где монахи молились не Богу, а тьме».

Я проснулся. Кольцо пульсировало тревожно, быстро. Посох в углу светился — тускло, но настойчиво.

— Значит, новый путь, — сказал я.

И начал собираться.

Конец третьей книги.

Продолжение следует...

Чёрный Круг

Книга четвёртая. Монастырь Теней

Глава I. О том, как сон оказался пророческим и что мы нашли в Подмоскowie

Тот сон про монастырь я видел три ночи подряд. В первый раз — просто образы: серые стены, покосившиеся кресты, колокольня без колоколов. Во второй — добавились звуки: пение, но не молитвенное, а какое-то тягучее, горловое, от которого мурашки бежали по коже. В третий — запахи: ладан пополам с гнилью, сладковатый, удушающий.

Просыпался я в холодном поту, с колотящимся сердцем и кольцом, раскалившимся до бела.

— Это не просто сон, — сказала Ведогоня, когда я позвонил ей на четвёртое утро. — Тебя зовут. Место силы само выбирает хранителя.

— Я не чувствую в себе сил быть хранителем для целого монастыря.

— Ты не будешь хранителем монастыря. Ты закроешь рану, которая находится под ним. А монастырь — только крышка. Старая, прогнившая, но всё ещё держится.

Мы собрались втроем: я, Ведогоня и Яромир. Архивариус остался в Чёрном Пределе — следить за Вратами. Перед отъездом он дал мне старую карту, нарисованную на коже, с пометками на латыни и церковнославянском.

— Монастырь Святого Онуфрия, — прочитал я. — Основан в XIV веке, закрыт в 1920-м. Сейчас там руины. Но под ними — подземелья, вырубленные ещё язычниками.

— Кто его основал? — спросил Яромир.

— Монах-отшельник, который, по легенде, сражался с бесом и заточил его в пещере. Только бес, судя по карте, был не бесом, а осколком древней раны.

— И монах его не заточил, а прикормил, — добавила Ведогоня, вглядываясь в карту. — Смотри. Здесь круг. Охранительный, но с обратным током. Не печать, а подпитка. Монастырь не сдерживал рану — он питал её верой и страхом монахов.

— То есть рана только увеличивалась?

— Да. Пока монастырь не закрыли. А потом она заснула. Но сон, как мы знаем, не вечен.

Мы выехали на рассвете. Место оказалось в двух часах езды от Москвы, за Сергиевым Посадом, в глухих лесах, где даже дороги не было — только лесная тропа, заросшая малинником. «УАЗик» Ведогони с трудом продирался сквозь кусты, царапая бока о ветки.

— Дальше пешком, — сказал Яромир, когда тропа сузилась настолько, что даже машина не пролезала. — Чувствуешь?

Я почувствовал. Воздух здесь был плотным, как кисель. Он давил на уши, на грудь, на глаза. Руны на моей коже засветились сами собой — защиты просили.

Мы взяли мечи, ножи, книгу. Посох я нёс в руке — он теплел с каждым шагом, указывая направление.

Монастырь открылся внезапно. Мы вышли на поляну, и он возник из тумана — серый, мрачный, с обрушившимися стенами и заросшим двором. Колокольня стояла криво, будто уставшая. Кресты на куполах покосились, один висел на проволоке, готовый сорваться.

— Здесь кто-то есть, — сказал Яромир, обнажая меч. — Я чувствую дыхание.

— Ты всегда чувствуешь дыхание, даже когда его нет, — усмехнулась Ведогоня, но тоже приготовила оружие.

Я подошёл к воротам. Они были приоткрыты, и в щели виднелась тьма. Не просто отсутствие света — живая тьма, которая шевелилась, дышала.

— Не нравится мне это, — сказал я.

— А что тебе вообще нравится? — спросил Яромир. — Тёмные подземелья? Чёрные круги? Злые колдуны? Ты выбрал себе работу, мой друг. Не жалуйся.

Я толкнул ворота. Они открылись с протяжным скрипом, похожим на стон.

Глава II. О том, как старые монахи не любят гостей и почему тишина бывает громче крика

Двор монастыря порос бурьяном. В центре стоял каменный колодец, заросший мхом. Из него тянуло холодом — не обычным, а магическим, высасывающим тепло.

— Туда, — сказал я, показывая на колодец. — Посох ведёт туда.

— В колодец? — Ведогоня заглянула внутрь. — Глубоко.

— Я спущусь первым.

— Я с тобой, — сказал Яромир. — Ведогоня прикроет сверху.

Я привязал верёвку к поясу, взял в зубы нож (руки были заняты мечом и посохом) и начал спуск. Стены колодца были скользкими, мокрыми, из них сочилась вода, пахнувшая железом и чем-то сладким.

Спуск занял минут пять. Наконец ноги коснулись дна. Внизу оказался не колодец в привычном смысле — там начинался туннель, уходящий в сторону. Я отвязал верёвку, дёрнул — сигнал, что всё в порядке. Следом спустился Яромир.

— Тесно, — сказал он, оглядываясь. — Но идти можно.

Мы двинулись по туннелю. Стены здесь были не каменными, а земляными, с вплетёнными корнями. Кое-где виднелись человеческие кости — черепа, рёбра, фаланги пальцев. Они лежали аккуратно, будто их специально разложили.

— Кто здесь похоронен? — спросил Яромир.

— Монахи, которые не вышли, — ответил голос из темноты.

Мы замерли. Из туннеля, заслоняя свет, вышел человек. Он был одет в рясу, истлевшую, висевшую лохмотьями. Лицо его было белым, как мел, глаза — чёрными, без зрачков. На груди висел крест — серебряный, с рунами вместо распятия.

— Вы пришли закрыть рану? — спросил он. — Поздно. Она уже открылась.

— Кто вы? — спросил я, сжимая меч.

— Я — сторож. Первый монах, которого заточили здесь, когда монастырь только строили. Я умирал, но рана не дала мне умереть. Теперь я — часть её. И вы тоже станете частью, если не уйдёте.

— Мы не уйдём, — сказал Яромир. — Пока рана не закроется.

— Тогда убирайтесь с моего пути.

Монах поднял руку, и из его пальцев вырвались чёрные нити — такие же, как у колдунов Чёрного Круга. Я выставил посох, и он вспыхнул золотом, отражая атаку. Нити рассыпались, но монах только усмехнулся.

— Твоя сила — от первого колдуна? — спросил он. — Он был глупцом. Он думал, что знание спасёт мир. Знание никогда никого не спасало.

— А что спасает? — спросил я.

— Любовь, — неожиданно ответил монах. — И смерть. Но ваша любовь — к жизни — это слабость.

Он ударил снова, и на этот раз я не стал защищаться. Я шагнул вперёд, впуская его нити в себя. Боль обожгла грудь, но кольцо засветилось ярко, превращая чужую магию в свою. Монах закричал, когда нити оборвались.

— Что ты делаешь?

— Лечу тебя, — ответил я. — Ты не злой. Ты несчастный. Рана держит тебя, не даёт уйти. Я освобожу тебя.

Я коснулся его лба посохом. И увидел — не глазами, а памятью, вложенной в посох, — как он жил, как молился, как умирал. И как рана затянула его душу, превратив в призрака.

— Прости, — сказал я. — Ты заслужил покой.

Посох полыхнул, и монах рассыпался в светящуюся пыль, которая унеслась вверх по туннелю, к выходу, к небу.

— Ты освободил его, — сказал Яромир.

— Да. Теперь идём дальше.

Глава III. О том, как мы нашли сердце раны и что там горело

Туннель расширился, превратившись в пещеру. В центре горел костёр — без дров, без дыма, чёрным пламенем. Внутри костра, свернувшись эмбрионом, лежала женщина. Она была обнажена, кожа её отливала синевой, глаза закрыты.

— Это — рана? — спросил я.

— Это — сосуд, — ответила Ведогоня, которая спустилась следом, услышав шум. — Та, кого Чёрный Круг принёс в жертву, чтобы открыть рану. Она ещё жива. Но если не закрыть рану, она умрёт.

— Как её закрыть?

— Тем же, чем и первую. Ключом.

Я достал медальон-ключ, висевший на шее. Он нагрелся, засветился. Костёр зашипел, чёрное пламя метнулось ко мне, пытаясь схватить.

— Не подходи! — крикнул Яромир, отбивая атаку мечом.

— Я должен, — ответил я.

Я шагнул в огонь.

Он не жёг — он леденил. Я чувствовал, как жизнь уходит из меня, как сердце замедляется, как мысли замерзают на лету. Но я шёл. К женщине. К центру раны.

— Откройся, — прошептал я, прикладывая ключ к её лбу.

Чёрное пламя взорвалось фейерверком. Женщина открыла глаза — золотые, как у Яромира, — и закричала. Не от боли — от освобождения. Рана схлопнулась с громким хлопком, воздух в пещере стал чистым, прозрачным.

Ключ погас. Я упал на колени, обессиленный. Женщина села, обхватив колени руками, и заплакала.

— Кто ты? — спросил я.

— Я — Злата, — ответила она. — Меня украли год назад. Я думала, я умерла.

— Ты почти умерла, — сказала Ведогоня, накидывая на неё свой плащ. — Но теперь ты свободна.

Мы поднялись на поверхность. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая руины монастыря в розовый и золотой. Злата смотрела на небо, не веря, что оно настоящее.

— Что теперь со мной будет? — спросила она.

— Мы найдём тебе место, — ответил Яромир. — У нас есть убежище. Там безопасно.

— А магия? — она подняла руку, и на её пальце засветилась крошечная руна — *Беркана*, берёза, рост, начало.

— Ты стала колдуньей, — сказал я. — Рана пробудила твой дар. Теперь ты одна из нас.

— Я не хочу быть колдуньей.

— Никто не хочет, — усмехнулся Яромир. — Но такова судьба.

Мы пошли к машине, оставляя монастырь позади. Я оглянулся — и на миг мне показалось, что в окне колокольни стоит тот самый монах, которого я освободил, и машет рукой. На прощание.

— Ты это видел? — спросил я Ведогоню.

— Видел, — ответила она. — Он благодарит.

Глава IV. О том, как Злата осваивалась в новой жизни и что из этого вышло

Мы привезли Злату в Чёрный Предел. Архивариус встретил её с одобрением — редкая улыбка на его лице.

— Сильный дар, — сказал он, посмотрев на её руны. — *Беркана, Лагуз, Ингуз*. Она будет целительницей. Или воительницей.

— Или и тем, и другим, — добавила Ведогоня.

Злата быстро освоилась. Она оказалась умной, любознательной, не боялась задавать вопросы — даже те, которые другие ученики стеснялись спрашивать. Она училась чертить руны, запоминала заклинания, тренировалась с ножом. Я иногда помогал ей, и в этих занятиях чувствовалось что-то большее, чем просто обучение.

— Ты спас меня, — сказала она однажды вечером, когда мы сидели на крыльце Чёрного Предела, глядя на звёзды.

— Не только я, — ответил я.

— Но ты шагнул в огонь. Ты рисковал собой.

— Такова работа хранителя.

— Ты не ответил на вопрос.

— Какой вопрос?

— Зачем? Зачем ты рисковал собой ради незнакомки?

Я задумался. Кольцо пульсировало ровно, не подсказывая.

— Потому что я не могу иначе, — сказал я. — Если я вижу, что могу помочь, я помогаю. Это не героизм. Это... природа.

Злата посмотрела на меня долгим взглядом, потом кивнула.

— Я хочу научиться так же, — сказала она. — Быть хранителем. Не ради долга, а по природе.

— Научишься, — ответил я. — Со временем.

Глава V. О том, как в Москве запахло магией и что сказала Лиза

Прошёл месяц. Я почти привык к новой жизни: дни в лавке, вечера в Чёрном Пределе, ночи в разъездах — раны, как оказалось, не ждали. Чёрный Круг активизировался по всей стране: находили похищенных магов, закрывали разломы, сражались с тварями, которых никто не видел сотни лет. Яромир уехал на Урал, Ведогоня — в Сибирь. Я остался в Москве — рядом с лавкой и Лизой.

Лиза. Она стала заходить чаще, почти каждый день. Приносила пирожки, книги, новости. Спрашивала о шрамах, о кольце, о странных людях, которые иногда заглядывали в лавку.

— Ты в опасности? — спросила она однажды.

— Всегда, — ответил я.

— Ты мне не доверяешь?

— Доверяю. Но чем меньше ты знаешь, тем безопаснее для тебя.

— Это не ответ.

Она ушла, обиженная. А на следующее утро я нашёл у порога лавки букет полыни, перевязанный чёрной лентой — знак, который используют колдуны Чёрного Круга для угрозы.

— Она знает, — сказал я Ведогоне по телефону. — Они вышли на Лизу.

— Перевози её в Чёрный Предел, — ответила Ведогоня.

— Она не захочет.

— Захочет, если объяснишь. Или не объяснишь, но увезёшь силой. Выбора нет.

Я закрыл лавку, поднялся на второй этаж, где жила Лиза. Постучал.

— Кто там? — спросила она.

— Тарас. Открой, срочно.

Она открыла. Я показал ей полынь.

— Что это? — спросила она, бледнея.

— Знак. Те, кто охотится на меня, теперь знают о тебе. Ты в опасности.

— Они убьют меня?

— Не убьют, но могут использовать как заложницу.

— Что делать?

— Поехать со мной. В безопасное место.

— Куда?

— В Чёрный Предел.

Она смотрела на меня минуту, потом кивнула.

— Я согласна. Но ты расскажешь мне всё. Всю правду.

— Расскажу.

Мы собрались за полчаса. Я открыл портал прямо в гостиной Лизы, и она, ахнув, шагнула в золотой свет, не оглядываясь.

Глава VI. О том, как Злата и Лиза не поладили с первого взгляда и что из этого вышло

В Чёрном Пределе Лизу встретили сдержанно. Архивариус выделил ей комнату, Ведогоня (вернувшаяся из Сибири на день) объяснила правила. А Злата... Злата посмотрела на Лизу так, будто увидела конкурентку.

— Ты — обычный человек, — сказала Злата.

— Я — его соседка, — ответила Лиза. — И, кажется, ему небезразлична.

— Ему многие небезразличны. Это не даёт тебе права здесь находиться.

— А тебе даёт? Ты — бывшая жертва, которую он спас. Я — его друг.

— Друзья не влюбляются в спасателей.

— А спасённые — не ревнуют.

Я стоял между ними и чувствовал себя дураком. Кольцо пульсировало насмешливо.

— Дамы, — вмешался я. — Мы здесь не для выяснения отношений. Мы здесь, чтобы выжить. Лиза, это Злата, колдунья. Злата, это Лиза, моя... подруга. Прошу относиться друг к другу с уважением.

Они замолчали, но искры между ними продолжали лететь.

Глава VII. О том, как Лиза увидела магию в первый раз и что она почувствовала

Вести Лизу в тренировочный зал было моей идеей. Ведогоня отговаривала, Архивариус пожимал плечами, а Злата смотрела волком. Но я настоял.

— Если она останется здесь, она должна знать, с чем мы имеем дело. Иначе страх сожрёт её быстрее любого заклинания.

Зал был пуст. Только руны на стенах светились тускло, и в центре горел магический шар — учебный, безопасный.

— Смотри, — сказал я и начертил в воздухе *Кеназ*. Шар вспыхнул золотом, закружился, рассыпался искрами.

Лиза смотрела с открытым ртом.

— Это... это не фокус?

— Нет. Это магия. Настоящая.

— Покажи ещё.

Я показал *Лагуз* — вода заструилась из воздуха, собираясь в ручей. *Беркану* — на полу вырос цветок, распустился, зацвёл. *Тейваз* — в моей руке возник меч из чистого света.

Лиза молчала. Потом подошла, коснулась моего лица — там, где руны светились под кожей.

— Ты другой, — сказала она. — Не такой, как все.

— Я такой же, как все. Просто у меня есть дар.

— Дар или проклятие?

— И то, и другое.

Она поцеловала меня — впервые. Не в щёку, не в лоб — в губы, по-настоящему, крепко, так, что кольцо на пальце замерло, удивлённое.

— Теперь я часть этого, — сказала она, отстраняясь. — Хочешь ты или нет.

— Я не просил тебя становиться частью этого.

— А я не спрашивала.

Она ушла в свою комнату. А я остался стоять в тренировочном зале, чувствуя на губах её вкус — мята, кофе, что-то ещё, неуловимое, как сама магия.

Глава VIII. О том, как новая угроза пришла, откуда не ждали, и что мы узнали о Калиостро

Прошло два дня. Лиза и Злата начали привыкать друг к другу — не дружить, но хотя бы не цапаться. Я облегчённо вздохнул и уже думал, что можно вернуться к поискам следующей раны, когда в Чёрном Пределе появился Яромир.

Он был бледен, как полотно, и рука его висела на перевязи.

— Нападение, — сказал он, опускаясь на стул. — Чёрный Круг не дремлет. Они нашли меня на Урале. Их было много. Я отбил, но...

— Что им нужно? — спросил я.

— Ключ. И ты. Они говорят, что Калиостро вернулся. Не таким, как прежде, — он стал частью Хаоса. Он ведёт их.

— Калиостро мёртв, — сказала Ведогоня.

— Мёртвые не возвращаются с посланиями. А он вернулся. Он сказал: «Передайте Серебрякову: я жду его в седьмой ране. Приходи один. Или не приходи вовсе».

— Ловушка, — сказал я.

— Конечно, ловушка. Но если ты не пойдёшь, он откроет седьмую рану сам. И тогда конец.

— Где седьмая рана?

— Там, где всё началось. В Чёрном Озере. Под тронным залом первого колдуна. Я посмотрел на посох. Он светился ровно, спокойно. Он знал ответ раньше меня.

— Я пойду, — сказал я. — Но не один. С собой возьму тех, кто сам захочет.

— Я с тобой, — сказала Ведогоня.

— И я, — добавил Яромир.

— Я! — крикнула Злата.

— Я не маг, но я тоже пойду, — сказала Лиза.

Я посмотрел на них всех — на своих друзей, соратников, женщин, которые готовы были идти за мной в бездну.

— Собирайтесь, — сказал я. — Выходим через час.

Посох полыхнул золотом. Кольцо сжалось на пальце. Книга за пазухой раскрылась на пустой странице, ожидая новых рун.

Путь к седьмой ране начинался.

Конец четвёртой книги.

Продолжение следует...

Чёрный Круг

Книга пятая и последняя. Седьмая рана

Глава I. О том, как мы собирались в последний путь и что каждый взял с собой

Сборы заняли не час, как я сказал, а целую ночь. Мы сидели в главном зале Чёрного Предела — у камина, который горел ровным, спокойным огнём, словно не знал, что за стенами сгущается тьма. Архивариус, опираясь на свой посох, смотрел на нас с тревогой, которую не мог скрыть.

— Вы идёте туда, откуда не возвращаются, — сказал он. — Седьмая рана — это не пещера и не подземелье. Это сама сердцевина магии. Там время течёт иначе, там законы природы не работают, там даже мысли становятся осязаемыми. Если вы потеряете контроль над собой — ваши страхи и сомнения обретут плоть и уничтожат вас.

— Мы знаем, — ответил я.

— Знаете ли? — он покачал головой. — Калиостро был величайшим магом своего времени. Он знал о магии больше, чем любой из ныне живущих. И он пал. Что даёт вам надежду, что вы устоите?

— Мы — не он, — сказала Ведогоня. — У нас есть то, чего не было у Калиостро. Друзья. Любовь. Истинная цель. Он хотел власти. Мы хотим мира.

Архивариус помолчал, потом кивнул.

— Идите. Я останусь здесь и буду поддерживать связь. Если что-то пойдёт не так — я открою портал и вытащу вас. Даже если мне придётся сжечь себя.

— Не надо сжигать, — сказал Яромир. — Мы вернёмся.

— Все?

— Все.

Мы вышли во двор. Ночь была безлунной, звёзды висели низко, почти касаясь крыш. Я посмотрел на своих спутников: Ведогоня — с мечом и ножом, руны на щеках светятся; Яромир — в боевом облачении, золотые глаза горят; Злата — ещё неуверенная, но сжимающая посох так, будто это единственное, что удерживает её на земле; Лиза — безоружная, с книгой по магии, которую она выучила за две недели почти наизусть. Она не стала колдуньей, но решила, что знание — тоже оружие.

— Последний шанс отказаться, — сказал я Лизе. — Ты — обычный человек. Тебе не место там.

— Ты — тоже обычный, — ответила она. — Просто с кольцом на пальце.

— Это другое.

— Нет. Это то же самое.

Я не стал спорить. Кольцо пульсировало одобрительно.

Я открыл портал — не как обычно, чертя руны, а силой Ключа. Пространство перед нами раскрылось, как рана — чёрное, пульсирующее, пахнущее озоном и страхом.

— Идём.

Первым шагнул я. За мной — остальные.

Глава II. О том, как мы очутились в сердце магии и что увидели там

Чёрное Озеро встретило нас тишиной. Мы стояли на его берегу — таком же, как в прошлый раз, но изменившемся. Вода не была чёрной — она была прозрачной, как стекло, и на дне, глубоко внизу, горел огонь. Белый, пульсирующий, похожий на сердце.

— Седьмая рана, — прошептала Ведогоня. — Она открылась.

— Калиостро? — спросил Яромир, оглядываясь.

Из темноты вышли они. Монахи Чёрного Круга — десятки, в чёрных плащах, с масками на лицах. Их глаза горели — красным, зелёным, жёлтым. Во главе — Морана. Вдова Калиостро, бледная, с седыми волосами, развевающимися на ветру, которого не было.

— Ты пришёл, Тарас, — сказала она. — Я знала, что ты придёшь. Ты не можешь иначе.

— Где Калиостро? — спросил я.

— Он там, — она указала на озеро. — В сердце. Он стал частью раны. Скоро он станет богом.

— Он станет ничем, — сказал я. — Хаос не даёт власти. Хаос растворяет.

— Ты ничего не понимаешь, мальчик.

— Объясни.

Морана рассмеялась — сухо, безрадостно.

— Калиостро нашёл способ не просто войти в Хаос, а подчинить его. Он использует седьмую рану как линзу, фокусирующую энергию. Скоро он выйдет оттуда — и тогда мир изменится. Не будет ни магии, ни колдунов, ни хранителей. Будет только он.

— Ты сошла с ума, — сказала Ведогоня. — Хаос нельзя подчинить.

— Уже подчинил, — ответила Морана. — Смотри.

Она махнула рукой, и озеро забурлило. Из воды, поднимаясь, как солнце на рассвете, выходил он. Калиостро. Но не тот старик, которого я знал. Он был молод — лет тридцати, с чёрными волосами и глазами, в которых горели звёзды. На нём не было одежды — только руны, покрывавшие всё тело, светящиеся пульсирующим светом.

— Тарас, — сказал он, и его голос звучал как миллион голосов сразу. — Я ждал тебя.

— Ты изменился, — сказал я.

— Я стал собой. Настоящим. Тем, кем должен был быть всегда.

— Ты стал монстром.

— Монстр — это тот, кто убивает ради власти. Я убиваю ради порядка. Я очищу мир от магии. От колдунов. От тех, кто использует силу во зло.

— Ты — первый из них! — крикнул Яромир. — Ты использовал магию больше всех!

— Чтобы уничтожить её, — спокойно ответил Калиостро. — Лекарство часто бывает горьким.

Он поднял руку, и из его пальцев вырвался луч — белый, ослепительный, уничтожающий. Он ударил в землю рядом с нами, оставляя воронку, из которой шёл пар.

— Последний шанс, — сказал Калиостро. — Отдайте Ключ. И я отпущу вас.

— Не отдадим, — ответил я.

— Тогда умрёте.

Он взмахнул рукой — и монахи Чёрного Круга бросились в атаку.

Глава III. О том, как мы сражались у Чёрного Озера и что стоило победы

Битва была жестокой. Яромир рубился с тремя монахами одновременно, его золотые глаза светились яростью. Ведогоня чертила круги, отбрасывая врагов волнами магии. Злата, хоть и неопытная, держалась стойко — её *Беркана* расцветала шипастыми розами, которые кололи и жгли. Лиза стояла за моей спиной, читая заклинания из книги — слабые, но достаточные, чтобы отвлечь нападающих.

А я сражался с Моран.

Она была сильна — старше, опытнее, злее. Её кинжал танцевал в воздухе, оставляя чёрные следы, которые жгли, как кислота. Я парировал мечом, уклонялся, чертил руны на ходу.

— Ты не победишь, — шипела она. — Я старше твоего рода. Я знаю заклинания, которые тебе и не снились.

— Знания без сердца — мёртвы, — ответил я, отбивая очередной удар.

— А сердце без знаний — слепое.

Она ударила кинжалом в мою незащищённую сторону. Я не успел уклониться — лезвие вошло в плечо. Боль обожгла, и я вскрикнул, выронив меч.

Морана нависла надо мной, занося кинжал для последнего удара.

— Прощай, Хранитель.

— Нет! — крикнула Лиза.

Она бросилась между мной и Моран, закрывая меня своим телом. Кинжал вошёл ей в грудь.

Мир замер.

Я смотрел, как Лиза падает, как кровь заливают её светлую рубашку, как глаза её закрываются.

— Лиза! — закричал я, хватая её за руку.

Кольцо полыхнуло золотом. Книга раскрылась сама. Посох в моей руке запел.

Я не знал такого заклинания — его не было в книгах, не учили наставники, не шептали руны. Оно родилось во мне, в тот миг, когда я понял, что теряю единственного человека, который полюбил меня не за силу, не за долг, а просто так.

— Встань, — прошептал я. — Вернись.

Из моих рук хлынул свет — не золотой, не белый, а живой, пульсирующий, похожий на утреннюю зарю. Он обвил Лизу, проник в её рану, затянул, залечил.

Она открыла глаза.

— Тарас?

— Жива, — выдохнул я. — Жива.

Морана смотрела на это с ужасом.

— Это невозможно, — прошептала она. — Воскрешение? Только Творцы могли...

— Творцы мертвы, — сказал я, поднимаясь. — А я — жив.

Я поднял меч, и он вспыхнул огнём. Не чёрным, не красным — золотым, чистым, как солнце в полдень.

— Уходи, — сказал я Моране. — Или я убью тебя.

— Убей, — ответила она, и в её голосе была усталость, похожая на смерть. — Калиостро всё равно победит.

Я замахнулся — но не ударил. Вместо этого я коснулся её лба посохом. И увидел её жизнь. Её любовь к Калиостро, её предательство, её боль. И понял: она не враг. Она — жертва.

— Прости, — сказал я. — Я не убиваю тех, кого можно спасти.

Морана рухнула на колени, закрыв лицо руками.

— Что ты со мной сделал?

— Освободил, — ответил я. — Теперь выбирай. Иди с нами — или умирай одна.

Она подняла голову. В её глазах больше не было ненависти — только пустота.

— Я останусь здесь, — сказала она. — С Калиостро. До конца.

— Тогда прощай.

Я развернулся и пошёл к озеру, где Калиостро всё ещё стоял на воде, окружённый светом. Мои спутники — усталые, раненые, но живые — собрались за моей спиной.

— Ты воскресил её, — сказал Калиостро. — Это невозможно. Даже я не могу.

— Ты многого не можешь, — ответил я. — Потому что ты забыл, зачем нужна магия.

— Зачем же?

— Чтобы делать боль меньше. Не чтобы властвовать — чтобы исцелять.

Калиостро замер. В его глазах — глазах, полных звёзд — мелькнуло что-то похожее на сомнение.

— Ты думаешь, я не знаю боли? — спросил он. — Я потерял жену, учеников, самого себя. Я шёл к этой минуте тысячу лет.

— Ты шёл к этой минуте, чтобы уничтожить мир. А я шёл, чтобы спасти его. В этом разница.

— И ты думаешь, что сможешь меня остановить?

— Я знаю, что смогу.

Я шагнул на воду.

Глава IV. О том, как я вошёл в сердце раны и что там увидел

Вода озера была холодной, но не обжигала — она принимала меня, как своего. Я шёл к Калиостро, и с каждым шагом руны на моём теле светились всё ярче. Кольцо пульсировало в такт сердцу, посох вибрировал, книга за пазухой раскрывалась сама, впуская в меня новые знания.

— Остановись, — сказал Калиостро. — Дальше — бездна.

— Моя бездна, — ответил я.

Я шагнул в него.

Не в тело — в суть. Я вошёл в Калиостро, как входят в портал, и оказался внутри его сознания. Там, в глубине, горел Хаос — тот самый, которого я боялся всю жизнь. Но теперь я не боялся. Я знал, что Хаос — это не враг. Это просто энергия. Не злая, не добрая — бесстрастная. И только человек придаёт ей форму.

— Ты не сможешь меня поглотить, — сказал Калиостро. — Я больше тебя. Я старше.
— Старше — да. Больше — нет.

Я протянул руку и коснулся сердца Хаоса. Оно было горячим, как расплавленный металл, и живым, как сердце зверя.

— Исцеляю тебя, — сказал я. — От ненависти. От страха. От одиночества.

Хаос закричал. Но не от боли — от освобождения. Он вырывался из Калиостро, как вода из прорванной плотины. И я направлял его — не в мир, а в себя.

Калиостро падал на колени, его тело старело на глазах. Руны на нём гасли. Звёзды в глазах меркли.

— Что ты делаешь? — прошептал он.

— Беру твою ношу, — ответил я. — Отдыхай.

Он упал в воду — и исчез. Хаос перешёл в меня.

Я стоял на озере, чувствуя, как новая сила — бесконечная, страшная, прекрасная — наполняет каждую клетку. Кольцо на пальце треснуло — и перестало быть просто кольцом, став частью моей плоти. Книга закрылась — навсегда, ибо её знания стали моими. Посох рассыпался в прах — он выполнил своё предназначение.

— Тарас! — крикнула Ведогоня с берега. — Ты... ты стал?

— Стал, — ответил я.

Я поднял руку, и озеро взорвалось. Рана — седьмая, последняя — схлопнулась с громким хлопком, унося с собой остатки тьмы. Небо очистилось, звёзды засияли ярче.

Я шагнул на берег. Мои спутники смотрели на меня с ужасом и восхищением.

— Что теперь? — спросил Яромир.

— Теперь — домой, — ответил я. — Всё кончено.

Эпилог. О том, как закончилась одна история и началась другая

Прошёл год. Я больше не живу в Москве. Лавку закрыл — передал знакомой травнице, которая не задавала лишних вопросов. Живу в Чёрном Пределе, вместе с Ведогоней, Архивариусом, Златой, Яромиром и Лизой.

Да, Лиза осталась. Она не стала колдуньей, но научилась видеть магию, чертить простые руны, чувствовать опасность. Мы с ней... мы вместе. Хаос внутри меня не мешает — я научился управлять им, направлять его в мирное русло. Иногда, по ночам, он просыпается и шепчет: «Ты — мой хозяин. Ты — моя тюрьма. Ты — моё спасение». И я отвечаю: «Тише. Всё хорошо».

Ведогоня больше не командует Кругом — она передала полномочия молодым, а сама занялась тем, что любит: изучает древние рукописи, тренирует учеников, пьёт чай с мятой на крыльце.

Яромир ушёл на север — говорят, там снова начало просыпаться что-то древнее. Но теперь у него есть свой отряд, своё оружие, своя цель.

Злата стала сильной колдуньей. Её *Беркана* расцветает такими цветами, что даже Архивариус ахает. Говорят, в неё влюблён один молодой маг, но она не спешит — она помнит, что такое быть жертвой, и не хочет быть слабой.

Морана... мы не знаем, что с ней стало. После битвы она исчезла. Может быть, ушла в бездну за Калиостро. Может быть, начала новую жизнь. Я надеюсь на второе.

А я — я стал тем, кем должен был стать. Хранителем. Не просто хранителем Ключа, а хранителем равновесия. Хаос во мне — это не проклятие, это напоминание. О том, что добро и зло — не две стороны монеты, а одна. И задача каждого человека — найти эту середину.

Иногда я выхожу на крыльцо, смотрю на звёзды и вспоминаю. Бабушку. Калиостро. Тех, кто пал, и тех, кто выжил. И благодарю судьбу за то, что она выбрала меня.

— О чём задумался? — спрашивает Лиза, подходя сзади и обнимая.

— О том, как быстро летит время, — отвечаю я.

— Время не летит — оно стоит на месте. Это мы движемся.

— Философ.

— Твой философ.

Целую её в висок. Хаос внутри пульсирует спокойно, ровно — как сердце матери, прижимающей ребёнка.

— Что теперь? — спрашивает она.

— Теперь — жить, — отвечаю я. — Лечить. Учить. Любить.

— И сражаться?

— Если понадобится.

Она улыбается. Мы идём в дом, где за столом уже собрались наши — семья, которую я обрёл не по крови, а по духу.

Архивариус читает лекцию Злате и молодым ученикам. Яромир (который тайно вернулся с севера на день) дразнит Ведогоню, а она смеётся — впервые за долгие годы. Уютно, тепло, светло.

Я сажусь в своё кресло. Книга — та самая, чёрная, с пустыми страницами — лежит на столе. Она больше никогда не откроется. Но мне и не нужно. Всё, что в ней было, теперь во мне.

Кольцо — уже не кольцо, а шрам на пальце — пульсирует в такт моему сердцу. И я знаю, что когда-нибудь, через сотни лет, придёт новый наследник. Возьмёт Ключ, прочитает руны, закроет раны. А может быть, и не закроет — а откроет новые. Это не важно. Важно, что круг жизни не прерывается. Что магия живёт. Что мы — живы.

Вот так закончилась история Волшебного Лекаря, Хранителя Ключа, наследника старой крови. А может быть, и не закончилась — просто перешла в другую фазу.

Как руна *Дагаз* — рассвет, прорыв, начало нового цикла.

И я смотрю в окно, где встаёт солнце, и думаю: это только начало.

Конец пятой и последней книги.

Конец всего цикла «Чёрный Круг».

Книга Теней

Роман о колдуне, чья магия родилась из отчаяния

Пролог. Смерть, которая не ждёт

В тот час, когда Париж просыпается ещё не окончательно, а предместья Сен-Жермен уже наполняются тяжёлым дыханием надвигающегося дня, я впервые понял, что рождён для того, чтобы касаться незримого. Мне было двадцать два года, и я сидел у постели умирающего старика, которого весь квартал величал не иначе как «безумный герцог» — хотя никакого герцогства у него не было, а безумие его выражалось лишь в привычке шептать по ночам слова на языке, которого не понимали даже самые учёные аббаты.

Смерть не спрашивает разрешения. Она входит в комнату, как заимодавец, которому надоело ждать, — без стука, без приветствия, и садится у изголовья, складывая костлявые руки на коленях. Я видел её в тот вечер. Не как аллегория — как присутствие, как сгусток тьмы, который сжимался вокруг груди старика с каждым его хрипом. Я видел это не глазами — нет, глаза мои были закрыты, ибо я молился — но тем внутренним зрением, которое открывается лишь в минуты великого отчаяния.

Старик был моим наставником. Не в магии — тогда я ещё не знал этого слова в его истинном значении, — а в жизни. Он научил меня читать, считать, различать благородное происхождение от плебейского по одному лишь изгибу пальцев. Он дал мне кров, когда мать умерла, а отец исчез в долговой яме, из которой не возвращаются. И теперь, когда смерть сжимала его горло своими ледяными пальцами, я чувствовал, что должен сделать хоть что-то — не как сын, не как наследник, а как человек, который не умеет проигрывать.

— Шарль, — прошептал старик, и в его голосе не было страха — была лишь усталость, похожая на мудрость. — В моём сундуке... возьми... там ключ...

Он не договорил. Смерть сомкнула хватку, и я увидел, как её тень проникает в его рот, в ноздри, в глаза — заливает его изнутри, как чернила заливают чистый лист. И в этот миг что-то во мне перевернулось. Не сердце — душа. Или то, что предки называли «колдовским семенем», дремлющим в крови многих поколений, ожидающим лишь часа, когда его польют слезами отчаяния.

Я закричал. Не от боли — от гнева. Я схватил смерть за её невидимую руку и сжал. Сжал так, что кости мои затрещали, а из глаз брызнули искры — настоящие, золотистые, какие бывают только в кузницах, когда железо превращается в сталь. Смерть отшатнулась. На миг — всего лишь на миг — её хватка ослабла, и старик вздохнул. Глубоко, свободно, как вздыхают только что родившиеся дети или те, кого вернули с того света.

— Ты... — прошептал он, глядя на меня глазами, в которых угасал страх. — Ты колдун, Шарль. Настоящий. Как твоя прабабка.

Я не знал тогда, что эта ночь станет началом пути, который приведёт меня в самые глубины магического мира — туда, где руны говорят на языке огня, где ножи режут не плоть, а судьбу, где кольца хранят души умерших, а книги пишутся кровью тех, кто осмелился узнать слишком много. Я не знал, что молодость моя закончилась именно в этот миг — и началась другая жизнь, полная сражений, интриг, женщин и той дикой, пьянящей магии, которая меняет человека больше, чем любые деньги, власть или любовь.

Но старик мой умер всё же. Через три дня, спокойно, во сне, с улыбкой на устах. Смерть вернулась за своим должником, и на этот раз я не стал с ней спорить. Не потому, что не мог — потому, что понял: есть вещи, которые нельзя лечить. Их можно только принять.

Однако перед смертью он успел рассказать мне о сундуке. О ключе. О том, что я должен найти это всё не в его каморке, а в другом месте — в доме на окраине, где он родился и где, по слухам, до сих пор обитает нечто, не принадлежащее миру живых.

Так я отправился на улицу Мёртвых Теней, название которой тогда показалось мне случайностью. Как же я ошибался.

Глава I. Сундук, который помнил всё

Улица Мёртвых Теней находилась в той части Парижа, куда даже сборщики налогов заходили с перекрестием и святой водой. Дома здесь жались друг к другу, как заговорщики на тайной сходке, и их покосившиеся фасады напоминали лица старух, переживших всех своих детей. Дом номер тринадцать — ирония судьбы, не иначе — стоял в самом конце, где фонари уже не горели, потому что даже фонарщики боялись сюда заглядывать после заката.

Ключ, который дал мне умирающий старик, был странным: не из железа, а из какого-то тёмного металла, похожего на обсидиан, но теплого на ощупь, как живая плоть. Он не подходил к дверному замку — в этом я убедился, просидев с полчаса в попытках всунуть его в скважину, которая то появлялась, то исчезала, словно дверь дышала. Но он подошёл к двери, которую я сначала не заметил — маленькой, окованной серебром, находящейся не на первом этаже, как полагается дверям, а на втором, куда вела лестница, которой тоже, казалось, не было минуту назад.

Париж — город масонов, алхимиков, тайных обществ и тех, кто ищет истину на дне перегонного куба. Я знал это и раньше, но лишь теперь почувствовал всей кожей: магия здесь не просто живёт — она дышит стенами, течёт по мостовым, шепчет в уличных фонарях. Дверь открылась без скрипа, без вздоха, без какого-либо намёка на то, что её не открывали, возможно, столетиями. За ней был не коридор — была тишина. Такая густая, что я чуть не задохнулся.

Комната, в которую я попал, оказалась библиотекой. Не той, где книги стоят ровными рядами, дожидаясь читателя, а той, где книги живут своей жизнью: одни парят под потолком, другие свернулись в коконы, третьи — раскрыты на страницах, которые перелистываются сами собой, словно их читает невидимка. В центре этой библиотеки, на возвышении из почерневшего дуба, стоял сундук.

Я узнал его по описанию старика: окованный медью, с крышкой, на которой были вырезаны знаки — не буквы, не руны, а что-то среднее, похожее на трещины в стекле, сквозь которые просачивается свет. Сундук не был заперт — он ждал. Я поднял крышку, и изнутри пахло не пылью и тленом, как можно было ожидать, а свежестью — такой, будто этот сундук только что принесли из леса, где утром прошёл дождь.

Внутри лежали три вещи.

Первая — книга. Небольшая, в переплёте из чёрной кожи, с бронзовыми углами и застёжкой, напоминающей коготь хищной птицы. На обложке — ни названия, ни имени автора, только тот же знак, что и на крышке сундука: трещина, сквозь которую струится свет. Когда я взял её в руки, книга дрогнула — словно сердце, которое нащупали пальцы хирурга в первый раз. Я открыл её, и страницы оказались чистыми. Абсолютно. Ни буквы, ни цифры, ни намёка на чернила.

Но я знал — чутьём, тем самым, которое проснулось у постели умирающего, — что книга не пуста. Она просто не хочет показывать себя тому, кто не готов. Она ждёт, когда я докажу, что достоин её тайн.

Вторая вещь — нож. Не кухонный, не охотничий — ритуальный. Лезвие из чёрного металла, на котором при определённом освещении проступали узоры, похожие на вены. Рукоять из моржовой кости — или из чего-то, что очень хотело быть моржовой костью, но на самом деле было костью существа, не встречавшегося в зоологических справочниках. Нож был острым настолько, что, когда я провёл пальцем по лезвию — случайно, конечно, — порез затянулся не за минуту, как положено обычной ране, а за секунду. И на коже остался не шрам, а бледный знак, похожий на тот, что на книге.

Третья вещь — кольцо. Простое, серебряное, без камней. Но когда я надел его на безымянный палец левой руки, оно сжалось — не больно, а властно, как рука отца, который решил, что сын должен остаться на месте и выслушать правду. И в тот же миг я услышал голоса. Не в ушах — в голове. Много голосов. Они говорили на разных языках, но я понимал каждый: французский, латынь, древнегреческий, иврит, ещё какие-то, которых я не мог назвать, но которые звучали внутри меня, как родные.

Кольцо было ключом. Не к двери — к памяти предков. К той самой крови, что текла в моих жилах, смешиваясь с колдовским семенем. Кольцо говорило мне: «Ты не первый. Ты не последний. Но ты можешь стать тем, кем не стал никто из нас».

Я сидел на полу библиотеки, сжимая в руках книгу, нож и кольцо, и чувствовал, как мир вокруг меня меняется. Не стены — они остались прежними, пыльными и тёмными, — а моё восприятие. Я видел теперь не только комнату, но и её тени: те, что лежали на полу неподвижно, и те, что двигались — живые, любопытные, опасные.

— Выходите, — сказал я. Негромко, но твёрдо.

Тени замерли. Потом одна из них отделилась от стены и начала расти, подниматься, складываться в фигуру — не человека, но подобие человека. Существо было соткано из темноты, но в груди его горел огонь: маленький, красный, похожий на уголёк в потухающем камине.

— Ты чувствуешь нас, — сказала существо, и голос его был как шёпот листвы в час, когда ветер меняет направление. — Давно никто не чувствовал. Последний был твой дед.

— У меня не было деда, — ответил я, хотя уже знал, что это неправда.

— Был, — возразила тень. — Он умер, когда твоему отцу было семь. Умер не от старости и не от болезни. Его убили. Как и твою прабабку. Как и многих до них. Ваш род проклят, Шарль дю Лак. Проклят теми, кто боится вашей силы.

Я не удивился, услышав свою фамилию — дю Лак, которую я никогда не использовал, потому что она не приносила мне ничего, кроме насмешек в сиротском приюте. Кольцо, книга, нож — они знали меня лучше, чем я сам.

— Кто вы? — спросил я.

— Мы — стражи. Те, кто были созданы первым колдуном вашего рода, чтобы охранять эти артефакты до прихода достойного. Ты достоин, Шарль. Но достоинство — это не привилегия. Это бремя.

Тень протянула ко мне руку — или то, что заменяло ей руку, — и коснулась моего лба. В тот же миг книга в моих руках раскрылась, и на её чистых страницах начали появляться слова. Не чернила, нет — буквы складывались из света, из того самого золотистого сияния, что вырывалось из меня у постели умирающего старика. Я читал, и каждое слово врезалось в память, как нож в масло, — навсегда, без права забыть.

«Тот, кто владеет Книгой Теней, Ножом Судеб и Кольцом Рода, обретает силу видеть то, что скрыто, и менять то, что неизбежно. Но помни, колдун: каждое твоё действие отзывается в будущем. Каждая жизнь, которую ты спасаешь, требует жертвы. Каждая смерть, которую ты предотвращаешь, порождает три новые. Магия — это не дар. Это торговля. И торговать ты будешь самой дорогой монетой — собой».

Я закрыл книгу. Тень исчезла, растворившись в воздухе, как дым над утренней Сеной. Я остался один в библиотеке, которая теперь казалась не такой уж тёмной и страшной. Скорее — родной. Как будто я вернулся домой после долгого, очень долгого путешествия.

Внизу, на улице, залаяла собака. Кто-то закричал — не от боли, от страха. И я понял: мир не ждёт. Никогда не ждёт. Магия — это не то, что можно откладывать на потом.

Я встал, спрятал книгу во внутренний карман сюртука, нож — за голенище сапога, а кольцо оставил на пальце. Оно было тёплым, почти горячим, и этот жар разливался по всему телу, наполняя его силой, о которой я раньше не смел и мечтать.

— Начинается, — сказал я, обращаясь то ли к теням, то ли к самому себе, то ли к тем, кто будет читать эти строки спустя годы.

И шагнул в ночь.

Глава II. Невеста, которая пахла полынью

Вернувшись в свою каморку на левом берегу Сены, я застал там неожиданную гостью. Она сидела на единственном стуле, положив ногу на ногу, и курила папиросу, хотя в моей комнате никогда не пахло табаком — я сам не курил и гостям не позволял. Но этой я позволил. Потому что в её присутствии даже стены начинали дышать иначе, а воздух становился густым, как сироп.

— Вы, должно быть, господин дю Лак, — сказала она, выпуская колечко дыма, которое не рассеялось, а повисло в воздухе, превратившись в подобие короны. — Меня зовут Кларисса де Монфор. И у нас с вами общий враг.

Она была красива той красотой, которая не бросается в глаза сразу, но потом не выходит из головы: тёмные волосы, собранные в высокую причёску, бледная кожа, тонкие, как у гравюры, черты лица, и глаза — зелёные, с золотистыми искрами, которые двигались, словно живые. На шее у неё висел кулон — серебряный глаз, который, как мне показалось, смотрел прямо в душу.

— Я не знаю никаких врагов, — ответил я, запирая дверь на засов. — Я живу тихо и не мешаю никому.

— Вы лжёте, — она улыбнулась, и в этой улыбке была горечь, которая не обманывает, — или лжёте себе. Этой ночью вы открыли Книгу Теней. Надели Кольцо Рода. Взяли в руки Нож Судеб. Вы больше не живёте тихо, господин дю Лак. Вы объявили войну тем, кто уничтожил вашу семью.

Я сел на край кровати, не спуская с неё глаз. Мои артефакты лежали на мне — и я чувствовал, как они реагируют на её присутствие. Книга нагрелась, нож слегка завибрировал, кольцо сжалось чуть сильнее, словно предупреждая об опасности. Но женщина не казалась опасной. Она казалась... потерянной. Как человек, который ищет выход из лабиринта, где каждый коридор ведёт к новой стене.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— Я такая же, как вы, — она бросила папиросу в пустую кружку на столе, и та погасла с тихим шипением. — Колдунья. Но не по крови — по обучению. Мой наставник был из тайного общества, которое охотится на таких, как мы. Да-да, не удивляйтесь: маги, которые убивают магов. Чем сильнее колдун, тем дороже его душа на чёрном рынке.

— На чёрном рынке? — переспросил я.

— Во всём Париже есть места, где торгуют не бриллиантами и картинами, а эссенциями. Сущностями, вырванными из живых людей. Чем одарённое жертва, тем дороже её сущность. Ваш дед был убит именно такими людьми. Моя сестра — тоже. Ей было шестнадцать.

Кларисса говорила спокойно, но я видел, как дрожат её пальцы, как она сжимает подлокотники стула, чтобы не выдать волнения. В её глазах — тех самых, зелёных с золотом — застыла боль, которую не могут унять ни годы, ни месть. Я знал эту боль. Она жила во мне с той ночи, когда мать умерла у меня на руках, а отец исчез, оставив вместо прощания лишь долговую расписку.

— И вы хотите, чтобы я помог вам отомстить? — спросил я.

— Я хочу, чтобы мы объединились, — поправила она. — В одиночку они убьют нас обоих. Вместе у нас есть шанс. У вас — Книга, Нож, Кольцо. У меня — знания о том, кто они, где прячутся, как с ними бороться. Мы нужны друг другу, Шарль. Как воздух.

Я молчал. Внутри меня боролись два чувства: одно говорило, что нельзя доверять женщине, которую видишь в первый раз и которая знает о тебе больше, чем ты сам; другое — что отказываться от помощи глупо, что в этом городе, где каждый второй готов продать тебя за гроши, союзник — это роскошь, которую не выбрасывают.

— Допустим, я согласен, — сказал я. — Что мы делаем завтра утром?

Она встала, подошла к окну, раздвинула шторы. За стеклом занимался рассвет — серый, парижский, с примесью дыма от пекарен и запаха речной воды. В его свете её лицо казалось не бледным, а прозрачным — как у святых на старых витражах.

— Завтра мы идём на кладбище Пер-Лашез, — ответила она. — Там, в склепе, который не нанесён ни на одну карту, хранится ключ ко всему. Не кольцо — другой ключ. Тот, что открывает дверь в их логово. Без него мы не сможем даже приблизиться к ним.

— А если этот склеп охраняется?

— Охраняется, — она повернулась ко мне, и в её улыбке мелькнуло что-то хищное, почти жестокое. — Поэтому я и пришла к вам. Говорят, вы недавно вылечили старика, которого смерть уже держала за горло. Говорят, вы смотрели в лицо тьме и не отступили. Мне нужен такой человек. Мне нужен тот, кто не боится.

Я встал, подошёл к ней. Вблизи она пахла полыньёю и мёдом — странное сочетание, которое одновременно отталкивало и притягивало.

— Я боюсь, мадемуазель де Монфор, — сказал я. — Я боюсь всего: темноты, высоты, одиночества, смерти. Но я не умею отступать. Этому меня научила жизнь — или, вернее, её отсутствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.